

ДЕЛО О ПРОПАВШЕМ БОГЕ



Юлия Латынина

Вейская империя

Юлия Латынина

Дело о пропавшем боге

«ЭКСМО»

1991

Латынина Ю. Л.

Дело о пропавшем боге / Ю. Л. Латынина — «Эксмо»,
1991 — (Вейская империя)

Великая империя на краю пропасти: народ бунтует, чиновники заботятся о собственном благосостоянии, молодой правитель бездействует. Именно в такой обстановке происходит главное. Загадочным образом из желтого монастыря исчезает бог – неисследованное божество, Ир. Чтобы разгадать эту тайну а также расследовать убийство судьи и подавить восстание, был послан землянин Дэвид Стрейтон. Ему предстоит оказаться в самом центре хитрых интриг, которые плетут в этом государстве. Читайте роман из фантастического цикла о Вейской империи, оригинально отсылающий к знакомой действительности России 90-х годов.

© Латынина Ю. Л., 1991

© Эксмо, 1991

Содержание

1	5
2	26
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Юлия Латынина

Дело о пропавшем боге

1

Высокоученный чиновник ведомства справедливости и спокойствия, особо полномочный инспектор из столицы, господин Нан, осматривал постоялый двор, принадлежавший некоему Кархтару.

Сам Кархтар пребывал в бегах, и по всему Харайну ветер лениво трепал объявления: три тысячи за голову убийцы городского судьи и зачинщика мятежа в Иров день...

Постоялый двор был, как все постоялые дворы Нижнего Города: неказистое двухэтажное строение с плоской кровлей, отгороженное от улицы стеной из сырцового кирпича с толстыми лопатками, в центре дома неизбежный дворик, к западной стене лепились как попало хозяйственные постройки, и там же начинался садик с прудом посередине. В пруду плавали недорогие, но неплохо подобранные кувшинки; у деревянной беседки цвело бледными, вытянутыми трубочкой цветками личевое дерево. Господин Нан не столько присматривался, сколько принюхивался. Запахи в империи говорили многое; глухие стены скрывали содержимое садов и внутренних комнат, и те извещали о достатке благовониями и ароматами цветов. Запах растения был важнее его вида. В саду Кархтара пахло невзыскательно: парчовой ножкой и лоскутником.

В ветвях личевого дерева запуталась блестящая мишура, и с рылец карнизов сиротливо свисали длинные гирлянды, развешанные в миновавший четыре дня назад праздник Великого Ира. Карнавальное время остановилось в покинутом доме бунтовщика, потихоньку выцветая на солнце.

Сопровождавший столичную штучку секретарь городской судебной управы, некто Бахадн, недовольно косился на все эти размалеванные полотнища и красные ленты, исписанные пожеланиями счастья. Не то чтобы в самих этих лентах содержался некий криминал, вовсе нет, хотя, если подумать, бывали и другие времена... Бывали времена, когда за вон этакое полотнище, которое по всем правилам желает обитателям большой чин, а висит, извините, над свинарником, – могли и загрести. Могли и сказать: «Это ты на что же, почтеннейший, намекаешь, – что в империи каждая свинья может получить большой чин? А вот как мы тебя сейчас соленой розгой... Ах, не хочешь? По неразумию? Дай-ка ты мне, брат, двадцать пять розовеньких, тогда и согласимся, что по неразумию...»

Но... Что-то скверное, нечиновное чудилось секретарю в каждом празднике, словно праздник – двоюродный брат мятежа.

А столичный инспектор тем временем присел у садового алтаря и провел рукой по шершавой глыбе. Собственно, присутствие этой глыбы было гораздо более серьезным правонарушением, чем праздничная лента над свинарником, потому что это был Иршахчанов камень – точнее, подделка под него, а Иршахчановым камням в частных местах стоять не положено.

Две тысячи лет назад основатель империи Иршахчан отменил навеки «твое» и «мое», и повелел, чтобы межевые камни отныне не оскверняли общей для всех земли. Камни убрали с полей и расставили на перекрестках дорог, украсив их изречениями Иршахчана. Они утратили смысл и обрели святость. Сейчас они почитались как знаки высшего хлебного инспектора и распорядителя небесных каналов.

Но крестьяне, хотя и знали, что покойный император – верховный бог империи, молились местным богам, а не Иршахчану, так же, как подавали прошение о семенной ссуде в сельскую канцелярию, а не в столичную управу, – и дадут скорее, и сдерут меньше. Иршахчановы камни

зарастила всякой дрянью и оставались месяцами без еды, разве что если поселится под камнем какой-нибудь настырный покойник или щекотунчик со змеиной пастью... А тут камень стоял как новенький. Инспектор наклонился, разбирая надпись.

– Надпись «пышного хлеба», – почтительно сказал секретарь Бахадн. – Люди «пышного хлеба», так эти бунтовщики сами себя называют. Когда бунтовщик Нерен основывал эту секту, он ссылаясь на слова из канонического текста «Книги творения ойкумены»: «Государь разделил земли, отменил долги и уравнил имущества. Тогда повсюду воцарилась справедливость, мир и равенство, исчезли деньги, а с ними зависть, корысть, вражда и беспокойство, и от этого хлеба стояли такие длинные, что скрывали с головой едущего всадника».

А сочинитель Нинвен всю жизнь страдал оттого, что его обошли на экзаменах, – как и здешнего хозяина – и всем хотел доказать свою образованность. И стал доказывать, что акшинские списки древнее канонического текста, а в них стояло: «И от этого хлеба стали такие пышные, что из полужерна пшеницы пекли пирог».

Господин Бахадн хмыкнул:

– И из-за этой цитаты «длинные» и «пышные» ненавидят друг друга не меньше, чем чиновников.

Столичный инспектор поднялся по крутой лесенке на второй этаж и, пригнувшись, вошел в большую, с низким потолком гостиную. За четыре дня ветер вымел из комнаты аромат воскурений, и теперь она пахла тоже кустами инча: запахом садовым, нежилым. Рыжеватая пыль, носившаяся в воздухе по жаре, осела тонким слоем на столе, на грубых деревянных скамьях и табуретках, на переплетах многочисленных книг.

– Здесь они собирались последний раз, – сказал господин Бахадн, указывая на стол посередине комнаты. На столе стояли чаши, недопитый пузатый чайник и большая фарфоровая плوشка для гадания по маслу. Господин Бахадн объяснил, что постоялый двор принадлежал еще отцу Кархтара, у самого бунтовщика не хватило бы на него сметки. А когда отец умер, Кархтар разными неправдами сумел-таки перенять заведение в наследство.

– Только теперь здесь собирались все окрестные разбойники, особенно из тех, что именovali себя защитниками справедливости и грабили лишь богачей и государственные склады, потому что это проще и выгодней. Говорят, Ханалай имел тут убежище после истории с белорыбницей.

И тут в соседней комнате что-то посыпалось на пол. Столичный чиновник подскочил к двери и с хрустом рванул занавески.

Горница была заставлена книгами и ретортами, а на полу ее был нарисован оранжевый круг, вписанный в восьмиугольную звезду. У края круга стоял парень лет двадцати шести. Парень был одет в синие травяные штаны и куртку-безрукавку, перехваченную желтым поясом с медной пряжкой. Голова парня была повязана двухцветным платком. Красный конец платка свисал влево, а синий конец платка торчал вверх. Парень был огромен. Парень был на полторы головы выше инспектора. Кулаки парня напоминали размерами два куска круглого сыра, а ягодицы – два огромных подсолнуха.

Грохот в комнате произошел оттого, что парень свалил с полки целую гроздь свитков и книг, – одну из этих книг парень и прижимал к груди, судорожно моргая.

– Что же ты с книжками-то так обращаешься? – насмешливо спросил столичный чиновник.

Парень озадачился. Можно было подумать, что вопрос Нана его удивил. Можно было подумать, что он считал, что чиновник, заглянув в комнату, не заметит мятежника восьми локтей росту. Озадачившись, парень предпринял странное действие – он зацепил лапой свой платок и передвинул его. Теперь красный конец платка свисал назад, а синий торчал влево.

Секретарь Бахадн в ужасе зажмурил глаза. Он никогда не видел мятежников вблизи, а тем более таких огромных. Великий Вей! Как же его сюда пустили! А впрочем, известно как – дал взятку, вот и пустили...

Нан шагнул в комнату.

Парень вытащил из-за пояса клевец с ясеновой рукояткой.

– Господин инспектор, – сказал парень, – все мы здесь наслышаны о вашей доброте и справедливости. И вот если вы так справедливы, как о том ходят слухи, вы повернетесь сейчас и увидите из этой комнаты, а если нет, то вам придется умереть.

Чиновник, с порога, молча прыгнул на мятежника. Руки его сомкнулись на рукояти клевца. Мятежник мелькнул растопыренными ногами в воздухе и приземлился на спину. Нан сел на него верхом и принялся душить.

– Стража, – тоненько закричал Бахадн.

Мятежник выронил и клевец, и книжку, и изо всех силы схватил инспектора за его корешок. Чиновник заорал и выпустил горло мятежника. Тот подпрыгнул спиной, вскочил на подоконник и с шумом обрушился в прошлогоднюю колючую листву.

Инспектор сиганул за ним.

Синяя куртка мелькала уже в глубине сада, за решеткой. Инспектор кинулся туда. Это было опрометчивым решением: в тот же миг откуда-то слева вылетела длинная веревка с крючками. Один из крючков уцепился за отворот замшевого сапога. Хрюкнула и покатила в траву отодранная от сапога бисерина. Инспектор отчаянно взмахнул руками, пытаясь удержать равновесие, но тут другая веревка, с петлей на конце, обвилась вокруг шеи, и свинцовый шарик на конце петли ударил в глаз.

Инспектор отчаянно забился, падая на землю и чувствуя, что теряет сознание. Его протащили по колючей траве несколько шагов и бросили.

Господин Нан открыл глаза и помотал головой, соскребая с шеи удавку. Невдалеке, в соседнем саду, три раза ухнула куча соломы: кто-то ссыпался на нее, перемахнув через глинобитную стену. В доме истошным голосом звали стражу. Инспектор посмотрел наверх. Он лежал под личевым деревом. Полуденное солнце плясало в листве. Вокруг ствола дерева, прельстительная, как змея, обвилась красная лента: лента именем Ира сулила дереву вечное плодonoшение и ягоды размером с человечесью голову. Поскольку была еще весна, ягод не было, только качались, отсвечивая тускло-золотыми боками, несколько игрушечных яблок.

Господин Нан посмотрел на дом. Секретарь Бахадн, переваливаясь по-утиному, спешил вниз по крутой лестнице. Пояс на платье судейского чиновника поехал вверх, и под ним явственно обозначился солидный прыгающий животик. Господин Бахадн размахивал руками и громко звал стражу.

Господин Нан, столичный инспектор, осторожно раздернул на шее скользящий узел и встал, рассматривая веревку. Так и есть. В надбровье ему попал не свинцовый шарик, а дымчато-зеленый жгутик с таким свиным глазом внутри: Иров Глаз. Иров глаз хорошо помогал против оборотней, и добыть его можно было либо через высокопоставленного доброжелателя, либо в месте незаконного торга за три «золотых государя».

Иров глаз был весьма кстати, ибо господин Нан был как раз оборотень.

То есть, конечно, где-то вверху, в файлах Комитета Космических Исследований, он значился как Дэвид Н.Стрейтон, PIN 3028GD38, 34-х лет, холост, сотрудник Фонда Ванвейлена. Дальнейшая информация при наличии специального допуска.

Но господин Нан, книжник и фарисей, чаще думал о себе как об оборотне. Поэтому он поглядел на дымчатый шарик и увидел Иров Глаз, который оберегает от оборотней, а не жгут диалектового стекла, образовавшегося в результате ударно-взрывного метаморфизма двести пятьдесят миллионов лет назад, когда под будущим городом Харайном шваркнулся метеорит и вырыл трехкилометровый кратер с будущим Ировым монастырем на склоне.

– Да эти разбойники и вас убить хотели! – вскричал секретарь Бахадн, наконец доспев до места катастрофы.

Господин Нан, не отвечая, брезгливо отряхивал пыль с кафтана.

Так же ничего не отвечая, инспектор вернулся в дом и поднял с полу клевец с крылатой мангустой на рукояти. От клевица исходил явственный для тонкого нюха чиновника запах пота и дешевого рапсового масла. Господин Нан вынул надушенную инисской лавандой салфетку, тщательно обтер клевец и сунул его в рукав.

Местный секретарь, изогнувшись, подал инспектору книгу, за которой мятежники не постеснялись явиться в охраняемый дом. В глазах его сияло торжество. Инспектор раскрыл книжку наугад. Бумага была скверная, печать неровная, а страницы засалены, словно у сборника волшебных сказок или неприличных картинок. Нан раскрыл и прочел:

«Когда исчезает общность имущества, человек становится ненасытным, ведь раньше он владел всем, а теперь, сколько бы ни наживал, сможет нажить только часть. Когда исчезает общность имущества, человек становится врагом другим людям и государству, ибо доселе он владел тем же, что и другие, а теперь владеет тем, что отнял у остальных».

Рассуждение было обведено зеленой рамкой, и на полях выведено зеленым же: «Истино так!» С грамматической ошибкой в «истинно».

Инспектор с силой захлопнул томик и взгляделся в обложку. Серая книга, трактовавшая об общности имущества, была отпечатана, судя по шрифту, в той же типографии, что и прокламации бунтовщиков, а принадлежала аравану Нараю – верховному правителю провинции. Точнее, одному из двух верховных правителей. Наряду с наместником.

Происшедшее могло быть объяснено трояко. Во-первых, книгу могли подложить, и тогда это была проделка партии наместника. Во-вторых, книга могла быть настоящей, и тогда араван якшался с бунтовщиками. Бес его знает, чего он хотел, может быть, вещей вполне невинных. Скажем, чтобы бунтовщики по его приказу зарезали наместника, а потом араван, проявляя бдительность, казнил бы бунтовщиков. Наконец, книга могла быть настоящей, но бунтовщики могли с араваном недавно поссориться и прислать товарища не забрать книгу, а привлечь к ней внимание столичного инспектора. Что и было проделано весьма ощутимо. Нечего сказать, привлекли, – и Нан невольно потрогал свой мужской корешок.

В оловянных глазах Бахадна плясала радость.

– Вы посмотрите, – сказал он, – на книге, исписанной рукой мятежника, стоит дарственная печать аравана! Вот до чего доводит излишний консерватизм мнений!

Господин Нан поддел носком сапога валявшуюся в траве веревку.

– Вот до чего доводит взяточничество охранников, – сухо заметил он. Поморщился и вытащил из рукава острый шип чернойки...

– Уж если стража у вас тут двое суток день и ночь ошивается, так хоть бы воды в сад пустили. Сохнет все по такой жаре, одни колючки остались, – раздраженно бросил он. – И снимите, наконец, все это безобразие.

Через минуту охранники в желтых куртках с хрустом, вместе с сучьям, рвали надписи о веке ручных зверей, справедливых чиновников и всеобщего изобилия.

Господин Нан прошел через дом на улицу. Солнце висело над самой головой. Аромат цветущего инча мешался с запахом жареной рыбы и гниющих отбросов.

Обернувшись, как по команде, лицом к казенному паланкину, у замшелого родничка о чем-то переругивались женщины. Стайка голопузых ребятишек гоняла коротконогую мангусту, не оказывая никакого почтения священному зверю. Из-за соседней стены печально и фальшиво свистела флейта.

Господин Нан любезно пригласил судейского секретаря в паланкин и принялся его расспрашивать.

Господин Бахадн старался, как и велено было, понравиться чиновнику из столицы, и смотрел на него виноватыми глазами, словно заочно извиняясь перед императором за все, что творилось в провинции Харайн. В голове у него вертелись строчки, которые кто-то декламировал на вчерашней пирушке у наместника: «Вот приезжает столичный инспектор и спрашивает: чего бы мне потребовать...»

Ах, столичный инспектор! Траты, неприятности и доносы! И притом: вечно всякая беда норовит заехать оглоблей именно по нему, Бахадну! Вот и тогда, в день смерти судьи, сожгли отчет, который Бахадн переписывал весь месяц, и еще служебные туфли сожгли и съели добровольное подношение: маринованную утку.

У господина Бахадна был дар какой-то попадать впросак, про таких говорят: еще не пошел, а уже споткнулся. Вот, скажем, пять месяцев назад тоже приезжал инспектор. Бахадн спросил о вкусах, а один из секретарей возьми и ответь: «любит удить карасей». Хорошо. Поехали удить карасей в Архадан. День удят, два удят. Места приятнейшие, на лугу роса, на росе девушки в тончайшей дымке. Подобрали ныряльщиков, цеплять карасей на крючок. Одному карасю положили в потроха изящный перстень... Вдруг среди ночи переполох, чиновник, упившись, скачет с ножом за девушкой в тончайшей дымке: «Я, – кричит, – всех вас...» Насилу завернули в мокрую простыню. Что ж вышло? «Удить карасей», видите ли, новое столичное словечко, и означает, что человек грешит не с женским полом, а, так сказать, задним числом.

Тыфу их, бесов новомодных! Ладно, тогда все обошлось. А этот каких карасей любит?

Столичный инспектор! Траты, неприятности и доносы!

Мелкие чиновники уже сплетничают о неясных эпизодах его головокружительной карьеры. Наиболее осведомленные намекают, что инспектор послан в Харайн вовсе не из-за мелкого бунта, если в нынешние времена по поводу каждого бунта рассылать чиновников девятого ранга, так никаких взяток в провинции не напасутся. А народ... а народ, как всегда, видит в столичном чиновнике неподкупного заступника и колдуна, – вон даже мятежники его не тронули! Небось местному чиновнику разбойник, не раздумывая, свернул бы шею и еще хвастался потом.

Но в целом растерянность разбойника вышла куда кстати. Подумать только, – забраться в охраняемый дом за книгой Нарая и в конце концов только привлечь к ней внимание... Поистине: справедливость не бывает случайна, но случайность бывает справедлива.

Тут надобно отвлечься и пояснить, что такое араван. В каждой провинции империи две главы, араван и наместник, и об их отношениях замечательно сказано в «Наставлениях сыну», писанных в XIV веке императором Веспшанкой: «Пусть араван занимается делом наместника, а наместник занимается делом аравана. Тогда в провинции царит раздор, а в столице – спокойствие. Тогда из провинции спешат доносы, а в столице растет осведомленность. Тогда в провинции невозможны нововведения, и делами ее правит столица. Когда же доносы прекращаются, араван и наместник подлежат смене, ибо ничто так не угрожает полноте императорской власти, как единство ее чиновников».

Господин Бахадн, секретарь убитого городского судьи, состоял в партии наместника Вашхога.

Он рассказывал о том, что творилось в провинции и чувствовал себя дураком, умалчивая о вещах, которые инспектор не изложит в докладе на высочайшее имя только, если тоже примет сторону наместника... И даже тогда потребует за молчание столько золота, сколько Бахадн не получит за всю свою жизнь... Недаром говорят: «Каждый хвост на шапке чиновника – лишний знак в величине взятки».

О да, несколько месяцев назад на провинцию напали горцы. Но господин наместник одержал блестящую победу над частью варваров, а другую часть принудил к союзу. И сейчас мир-

ной князь Маанари стоит лагерем под Харайном, – дожидается, пока из столицы придет подтверждение союзу.

– Да, у меня есть полномочия на переговоры с горцами, – кивнул господин Нан.

Но приходилось говорить и о растущем поголовье нищих, и о пустых деревнях, и об уважении народа к расплодившимся дурачкам, и о молнии, ударившей в храм бога Линна, и о двухголовом жеребенке, родившемся в деревне Иттинь, и о многом другом, что свидетельствовало о неблагополучии в провинции. Бахадн говорил красноречиво, благо был отчасти писателем. Он тщательно следил, чтобы ни одна жалоба на современное падение нравов не осталась без говорящей о том же старинной цитаты, – лучший способ подтвердить и образованность и лояльность.

Жаловался Бахадн и на засилье богачей, но умеренно, ибо господин Айцар, дядя наместника, был самым богатым человеком провинции. Собственно, не Айцар был дядей наместника, а наместник был племянником Айцара.

Потом г-н Бахадн заговорил о слухах, расползавшихся по городу по мере приближения Ирова дня, и о пророчествах на плохой серой бумаге, в стиле столь же безвкусном, что и подделка под Иршахчанов камень в саду.

Столичный инспектор слушал, нахмурившись. Слова судейского секретаря были затасканы от долгого употребления, и это счастливое обстоятельство мешало провинциальному чиновнику замечать их истинность. Он изъяснялся исключительно в нелюбви к беспорядкам, а выходило, будто возмущений и убийств в Харайне ждали. Ждали и ничего не предпринимали, пока не стало поздно.

Сама история бунта в изложении секретаря Бахадна сводилась к следующему: накануне Ирова дня, вернувшись из похода на варваров и узнав о волнениях в городе, наместник отдал судье приказ об аресте всех смутьянов. Большинство было арестовано, некоторые бежали. Кто их предупредил – неизвестно, но за два часа до начала арестов к Кархтару приходил человек из управы аравана Нарая.

В Иров день с самого утра в городе было беспокойно: не беспокойство праздника, а беспокойство бунта, если в Иров день отличишь одно от другого. У монастыря Ира, куда, по обычаю, пожаловали верховные чиновники провинции, собралась недовольная толпа. Недовольная, потому что бесплатное монастырское угощение вышло скудней, чем в прошлые годы, а почему оно вышло скудней? Желтые монахи себе, что ли, лишнего взяли? Сама же городская чернь и сожрала – с каждым годом в Харайне все больше охотников на дармовщину. Где-то к часу Козы в толпе появился Кархтар и с ним еще несколько лесных молодцов. Стража не осмеливалась приблизиться к ним. Кархтар влез на бочку и стал говорить, что людям не дали угощения, что в провинции творятся несправедливости, а власти арестовывают святых людей. В конце концов толпа загорелась и закричала, что пойдет в монастырь и там потребует у начальства свободы для святых людей и еды для себя.

Толпа явилась в монастырь и начала шуметь.

Первым на балкон вышел господин Айцар и чуть было не уговорил народ, обещав накормить всех в своем доме в Нижнем Городе. Люди утихомирились – но только не те, для кого нехватка еды была лишь предлогом. Тех вовсе даже и не устраивал накормленный народ, потому что накормленный народ бунтует плохо и редко. Кархтара подняли на руки, и он стал говорить, что народ недоволен не тем, что ему не дают хлеба, а тем, что ему не дают справедливости. Еды в монастыре не хватает, потому что ее раздавали весь год нищим, но куда чиновники подевали запасы правды? Почему ее не давали нищим?

– Никто не может насытить едой тех, кого обнесли справедливостью, – сказал Кархтар, и хотя толпе была нужна именно еда, она как-то согласилась с Кархтаром, увлеченная его голосом.

Все стали кричать на судью Шевашена, чтобы тот отпустил арестованных вчера сектантов, а покойник был и с подчиненными весьма спесив... Гаркнул народу гадость, – в чиновников посыпался тухлый овощ, а кто-то выстрелил в судью из самострела. Тут толпа оцепенела от ужаса и стала разбегаться, а охранники, напротив, принялись ловить смутьянов.

– А что, господин Айцар так и сказал, что накормит всех в своем доме? – полюбопытствовал Нан.

– Господин Айцар человек редкой добродетели! – заявил местный секретарь, – всем известно, что он кормит народ три дня из семи, да и этот раз ему только из-за спесивости прочих чиновников не удалось утихомирить чернь!

– А какую должность занимает господин Айцар? – с чуть заметной усмешкой полюбопытствовал инспектор.

– Гм... Кажется, сырной надзиратель в этой деревне... Дахтун... нет. Алахтун!

Лицо столичного инспектора оставалось вполне бесстрастным. Сырной инспектор. Чиновник низшего ранга с жалованьем в три шурра риса в год. Неплохо живет господин сырной надзиратель, если может три дня из семи кормить, как говорят, по шесть тысяч бездельников, а на праздники – и того больше.

– Все это был хорошо поставленный спектакль, – продолжал господин Бахадн, – всю охрану стянули к монастырю, беречь начальство, а в судебной управе остался десяток стражников. В Иров день ворота в Верхнем Городе открыты настежь, перепись входящих не ведут.

Перед часом Липы близ управы остановилась балаганная повозка, и на ней обсыпанные хари стали представлять «Драму о козлоножке». Набилась публика, охранники, забыв о долге, тоже пришли посмотреть лицедеев. Вдруг с повозки засвистали, актеры поспрыгивали с ходуль, зрители схватились за спрятанные ножи и кинулись на охранников. В ту же минуту несколько лодок причалило у канала с задней стороны управы. Разбойники прикончили зазевавшуюся стражу, похватили ключи, сбили замки, выпустили из камер всех, кто мог ходить, погрузили тех, кто сам уже идти не мог, на свою повозку и смылись из города.

– Обратите внимание, господин инспектор, – проговорил Бахадн, – что сигнал к похищению арестованных был дан ровно в час Липы, каковой называется в священных книгах мятежников часом Конца и служит у них лучшим временем для совершения храбрых дел.

Инспектор кивнул, и, помолчав, спросил:

– Странно, не правда ли, если главной целью Кархтара было освободить арестованных товарищей, то зачем убивать вашего начальника, господина Шевашена.

– Ах, сударь, – возразил судебный чиновник, – неужели люди в толпе спрашивают «зачем» и «почему»?

– Но ведь судью убили не камнем, а заранее припасенным самострелом, – возразил Нан, – вот из этого-то и следует, что убийство было намеренным. Ведь никто не будет таскать самострел просто так, рискуя за это на два года отправиться в исправительные деревни!

И, помолчав, добавил:

– Двадцать человек стояли на балконе, – неужели никто не заметил нацеленного оружия?

– Разбойники очень ловки в обращении с утварью для убийства.

– Но не настолько же, чтобы на глазах у всех стрелять незамеченными? А не могли они выстрелить из рукавного самострела?

Господин Бахадн покачал головой.

– Это, конечно, объяснило бы, отчего никто не видел стрелявшего. Но даже лучший рукавный самострел бьет не больше, чем на десять шагов, а народ стоял шагах в сорока, и внизу.

– Стало быть, – подытожил инспектор, – если судью убили все-таки из рукавного самострела, то это сделал не народ, а кто-нибудь из стоявших рядом чиновников?

Бахадну даже икнулось.

– А о чем говорили между собой гости, перед тем, как выйти к народу? – спросил инспектор.

Бахадн робко удивился: какое отношение разговор чиновников может иметь к народному бунту?

– Так о чем говорили гости? – повторил столичный инспектор.

Бахадн вздохнул. То-то и оно, о чем говорили!

Иров день – проклятый день, и Иров монастырь – проклятое место. Конечно, как зерно не хранится в государственных амбарах без отдушин, так народ не соблюсти без карнавальных дней. Но то, что в мирные годы – отдушина для воздуха, в скверные – лаз для грабителя.

И в этом году то всеобщее беспокойство, которое охватило провинцию к Ирову дню, не сводилось без остатка к гнусным серым листкам...

Все большие боги Вей изготовлены руками людей и утверждены государством – один Ир, как говорят, нерукотворен. Все праздники регулярны – один Ир появляется, когда вздумает. Это, если подумать, ужас что бы было с миром, если бы Солнце вздумало вертеться вокруг мира по собственному желанию, или если бы цветы распускались не тогда, когда император отдает указ о начале весны, а то зимой, то осенью, то когда им вздумается!

Все это, впрочем, придирки. Если есть боги с тысячью рук и ног – почему бы не быть одному безглазому и безрукому. Если есть две луны на небе, то почему бы не появляться одной время от времени на земле? Ира так еще и называют – Лунный Брат. Говорят, он и в самом деле растет не как, скажем, тыква, которая увеличивается в объеме, а как луна, которая объемом высветляется. Сначала в главной cellule желтого монастыря зависает золотая корочка, а потом начинает крепнуть, словно озаряется высшим небесным светом, и через месяц становится круглым белесым шаром величиной с персик.

А иные рассказывают и вовсе неведомщину с подливой: что, мол, одному Ир представляется кувшином с молоком – если ты охотник до молока, а другому в тот же самый момент черепахой или ящерицей, и что если бы кошка, глядящая на Ира, могла говорить, она бы сказала, что Ир – это мышь. Впрочем, в этикие истории про Ира Бахадн не верил. Наверняка это монахи обманывали народ глупыми фокусами.

Плохо другое – Луны, как известно, омрачают человеческий разум, и во время полнолуний некоторые люди, особенно из числа варваров и дальних народов, дуреют или превращаются в волков. А свидание с Иром может свести с ума и нормального человека. Поэтому желтым монахам предписано не иметь вожделья и алчности; поэтому год от года пустеют желтые монастыри.

Все в Иров день наизнанку и наоборот: низы мешаются с верхами, и толстопузый горшечник, улыбаясь и поскребывая въевшуюся в пальцы глину, рассуждает: «Так было в золотом веке, когда чиновников не было вообще, и люди сами собой соблюдали законы». А его сосед, ткач с ногами, кривыми от вечного сидения за станком, соглашается: «Так было в золотом веке, когда чиновником был каждый, а не только начальник цеха».

Верхи мешаются с низами, а в монастыре за трапезой встречаются два главы провинции: араван и наместник, которым в обычные дни видаться между собой запрещено, для предотвращения сговора. Их свиты сидят вместе и глядят врозь.

Ну а скажите, если двое человек ненавидят друг друга от волос до ногтей, – мудрено ли им вцепиться друг другу в горло! И бывает так, что проклятый Лунный Брат заставляет говорить за столом то, о чем полагается писать лишь в доносах. Бог знает что ударяет человеку в печень и в сердце!

И наместнику и аравану еще хорошо, – все знают, что они ненавидят друг друга. А как быть тем чиновникам, которые в обычное время ходят и к аравану, и к наместнику, «играют в сто полей на двух сторонах?» Ой как несладко приходится таким чиновникам...

За это-то, а не за безобидный карнавал, Иров день не любят местные власти и высоко чтит столица.

– Так о чем же говорили в монастыре? – голос инспектора приобрел неприятную твердость.

Господин Бахадн понурился. Все равно инспектора ждала в управе целая куча доносов, каждый из них по отдельности был враньем, но все в целом... Вот и выбирай – все рассказывать – подвести наместника, врать – себя же обозначить лгуном.

А разговоры были как разговоры, разве что господин Арвадар ни с того ни с сего сказал, что Ичаново место стоило Ичану восемь тысяч, хотя всем было известно, что Ичан заплатил не больше трех, – пока не пришли слухи о бунте. Тут-то наместник воскликнул, что проклятая чернь требует того же, что араван Нарай и что, мол, это его рук дело. «Рыба, – сказал, – гниет с головы, а провинция бунтует с начальства».

Араван Нарай возмутился и ответил, что причина бунта не в неподкупности Нарая, а в преступлениях самого наместника. Что же до смутьянов, то вчера городской судья по его личному приказу арестовал всех заговорщиков, и завтра народ успокоится.

– Не врите! – закричал пьяный наместник, – когда я две недели назад отправился в поход на ветхов, в городе было спокойно, а мои агенты знали имена всех смутьянов! Вы вовсе не стремились к восстановлению спокойствия! Одной рукой вы отдали приказ об арестах, а другой предупредили Кархтара! И сделано это было затем, чтобы спровоцировать народ на бунт! Между прочим, городской судья подтвердит, что на допросах бунтовщики цитировали строки из ваших сочинений!

– Народ не настолько испорчен, – возразил, улыбаясь, араван Нарай, – чтобы бунтовать из-за ареста десятка негодяев. Народ возмущен другим – тем, что напавшие на наши деревни горцы стоят, как друзья наместника, в половине дневного перехода от города, а в столицу вместо их голов для отчета о победе отправлены головы вейских крестьян. Это те деревни, которые подавали на вас жалобы, Вашхог! И я могу это доказать!

Обвинения аравана были ужасны, свита оцепенела. Наместник было побледнел, но вдруг засмеялся и махнул рукой.

Иров день! Такими словами обмениваются не с собеседниками, а с соучастниками, но Ир делает людей – хуже пьяных. Притом начальство менее сдержанно, чем простолюдины, – сидит всю жизнь в управе и слушает «да-да» и «лечу исполнить». И вдруг перед тобой главный враг твоей жизни!

– А почему, – спросил инспектор, – араван и наместник остались в монастыре ночевать?

– Ах, господин инспектор, – ехать до монастыря три часа, дорога идет в камышах и болотах, место пустынное, уже ночь. Свита господина наместника забоялась бунтовщиков и отказалась возвращаться ночью в город. Араван спросил, уж не боится ли он народа, а наместник ответил, что бунтовщиков он не боится, а боится, что его по дороге убьют люди аравана, да и свалят все на бунтовщиков. Вот и остались ночевать...

Паланкин меж тем прибыл к каменному трехэтажному зданию городской судебной управы.

– Разбойники Харайна, однако, смелы, – заметил Нан, покидая паланкин, – сколько их?

– Все отчеты представляются в столицу. Испорченность нынешних нравов...

Нан грубо оборвал судейского секретаря.

– Мне не обязательно отправляться в Харайн, чтобы прочесть посланные в столицу отчеты или услышать про испорченность нравов. Сколько по всей провинции крупных разбойничьих шаек?

Бахадн потупился. Количество разбойников в докладах занижалось по той же причине, по которой не трогали бродячих проповедников. Трудно изловить каждого, кто ругает чинов-

ников, но легко устроить разнос ретивому служаке, искореняющему неопасную крамолу с опасным усердием.

– Не менее полутора тысяч человек, – наконец сказал Бахадн. – Около города Харайна – почти никого, ближе к западным предгорьям – десяток крупных шаек. На горе Лазоревой есть стан Ханалая – не менее тысячи человек. Правительственные войска ничего не могут с ним сделать. Ханалай побеждает даже горцев. Сам Ханалай – клейменный убийца, величает себя защитником справедливости...

– А как вы считаете, почему так много разбойников? – перебил инспектор. – Про испорченность нравов можно опустить.

– Араван Нарай – скверный правитель.

– Вот как, – поднял брови Нан, – а в столице ходят легенды о неподкупности Нарая...

– Из неподкупности каши не сварить и людей не накормить, – с неожиданной горечью сказал Бахадн. – Араван три года назад чуть столицу не разорил своей неподкупностью, а Харайн ему на один укус...

Паланкин наконец остановился перед судебной управой. Двойная крыша трехэтажной управы сверкала на солнце, с карнизов свешивался каменный виноград, и наверху широкой лестницы четырехростый мраморный Иршахчан раздирал пасть трехрогую змею Уннушику. Сорванные одежды государя струились по ветру, обнаженные плечи застыли в чудовищном напряжении. Пятьсот лет назад грубый реалист Иннин ваял небесного государя с кулачного бойца: и лишь голова мангусты на плечах бога напоминала своими застывшими и безмятежными чертами о реализме истинном.

Голову, впрочем, ваял не Иннин. Воскресший государь Аттах (их тогда сразу несколько воскресло, и они еще долго выясняли друг с другом, кто воистину воскрес, а кто нет) – имел обыкновение сносить головы статуям и устанавливать свои. Также и некоторые его преемники. В конце концов основатель нынешней династии, варвар, завоеватель, во избежание соблазна постановил: приделывать статуям звериные головы.

В божьей тени копошились люди, бросали в жертвенный огонь копии жалоб, чтобы вручить их сразу двум адресатам: небесному государю и его посланнику, столичному инспектору. Впрочем, в огонь частенько бросали чистые листы: Иршахчану и так все ведомо, зачем лишний раз тратиться на переписчика?

Бахадн нахмурился: людей было слишком много.

Инспектор медленно поднимался по стертým ступеням, окруженный просителями. Жалобщики пронзительно голосили; доносчики подходили скромно и с достоинством. Инспектор улыбался тем и другим, а наверху каменный бог с лицом мангусты улыбался ежедневной пьесе, разыгрываемой в его честь.

Бахадн и сам писывал такие пьески и знал, как должно строиться повествование. Бесчинства притеснителя; страдания невинных; приезд столичного чиновника; подкупленные свидетели, запутанные улики и ошибочные догадки; потом сон, в котором второй получатель жалобы, государь Иршахчан, является к инспектору, превращает улики в символы и рационально перетолковывает запутанную злоумышленниками явь. И неперемный счастливый конец: шеи корыстолюбцев схвачены веревкой, и порок карают мечом и доской на глазах ликующего народа.

Народ любит такие истории, боги любят такие истории, и столица их тоже любит. «Народ должен участвовать в управлении государством», – вспомнил Бахадн слова из трактата Веспшанки. «Он может участвовать в управлении либо посредством выборов, либо посредством доносов. Первый путь ведет к беспорядкам, второй – к торжеству справедливости».

Столичный инспектор, наконец, собрал семена истины для полей правосудия, все, до единого зернышка.

Чиновники неторопливо прошли по коридорам в кабинет покойного судьи. Из-за широкого судейского стола навстречу им поднялся, придерживая рукой подхваченные сквозняком бумаги, молодой человек лет двадцати трех: Шаваш, секретарь господина Нана. Столичные чиновники всегда привозили с собой кучу людей и потому от местного начальства были совершенно независимы, а зависели только от своих покровителей из центра.

Провинциальный чиновник с обидой уставился на завитые локоны юноши, ламасские кружева воротника и широкие, не по закону широкие рукава затканного золотом кафтана. Великий Вей, если в столице молодые чиновники завивают волосы, – мудрено ли, что воры сожрали чужую маринованную утку?

Господин Нан поклонился небесному судье Бужве, чей идол стоял в левом углу, и безмятежно выпустил из рук охапку жалоб. Белые бумажные треугольники посыпались на пол, как стая перелетных цапель – на ровную гладь воды. «Слава Бужве, – подумал Бахадн, – он не охотник читать жалобы».

– Принесли? – спросил инспектор своего секретаря.

Тот кивнул головой и потянулся к дверце секретного шкафа. Дверцу охранял от посторонних глаз стоногий паук Миик, и дополнительно, ввиду нынешней испорченности, – хитроумный, хотя и менее божественный механизм. Шаваш достал из сейфа что-то завернутое в тряпочку, и развернул тряпочку на столе. В ней оказалась короткая, в пол-локтя трубка, покрытая щербленой слоновой костью. Бахадн ахнул. Это был рукавный самострел – неудобное, но коварное оружие. Спрятав заправленную стальным шариком трубку в широком рукаве, можно было выстрелить совершенно бесшумно и незаметно, правда, не более одного раза. Дальность и сила выстрела зависела от качества стальной пружинки и диаметра шарика. Из хорошего самострела можно было убить человека на расстоянии до десяти шагов.

Закон запрещал иметь оружие всем жителям ойкумены, не считая тех, кто призван закон охранять. Закон соблюдался спустя рукава, но все-таки достаточно, чтобы сделать рукавные самострелы дорогой и редкой игрушкой: браконьеры ходили с мечом и стрелами, лесной грабитель – с мечом, а городской вор предпочитал нож за быстроту и надежность.

– Что такое? Узнали самострел, господин Бахадн? – быстро спросил инспектор Нан.

– Н...нет, то есть совершенно нет.

– Его бросили в Змеиный колодец в желтом монастыре, – сладким голосом произнес молодой секретарь. Говорят, что колодец не имеет дна. Видимо, преступник этому поверил. Уж не знаю, имеет ли он дно или нет, а только настоятелю во сне явился дух оскверненного колодца, приказал вычерпать воду и найти безобразие.

«Ох, – скверный дух, – подумал Бахадн, – что за хамство лазить в чужие сны! Ну какая ему печаль от несправедливости к человеку? Правильно, правильно говорят, что в желтом монастыре не все чисто!»

– Но разве это что-то меняет? – вежливо спросил Бахадн, – какая разница, чем пользовались бунтовщики, – рукавным самострелом или обычным?

– Увы! – сказал инспектор, – я и сам так думал, но вы раскрыли мне глаза. Ведь рукавный самострел бьет на десять шагов, а толпа стояла в сорока. Кроме того...

Инспектор неторопливо положил рядом с самострелом отнятый утром у разбойника клевец, и Бахадн мгновенно понял, в чем дело. Они разительно отличались между собой, – грубое оружие сектанта с деревянной рукояткой, и отделанный резной с позолотой костью самострел, обличавший в своем владельце по меньшей мере высокопоставленного чиновника. Но, боги, сколько нынче оружия в Харайне! Правильно, правильно сказал государь Веспшанка: когда в частных руках слишком много оружия, оружие начинает драться само!

– Кроме того, бунтовщики никак не могли бросить самострел в Змеиный Колодец, который находится за внутренней стеной монастыря. Это мог сделать лишь один из гостей в ночь

после убийства. И, представьте себе, монахи заметили кое-кого из гостей, кому вздумалось побродить...

– Кого же? – Бахадн от волнения привстал на цыпочки.

Господин Нан развел руками.

– Зачем так рано говорить об этих вещах? Я могу попасть в неловкое положение, бросив тень на всеми уважаемого человека, и хотел бы сначала изучить все обстоятельства дела.

Господин Бахадн стал откланиваться, и столичный чиновник его не задерживал. Когда Бахадн ушел, Нан вопросительно взглянул на своего секретаря.

– За ним последят. Мне показалось, он вспомнил, у кого из высших чиновников был такой самострел.

– Он побежал справиться о том, что ему надлежит вспомнить, у наместника Вашхога, – усмехнулся Нан.

– Вряд ли, – отозвался секретарь, – это ему удастся, потому что наместник либо еще не проснулся, либо уже напился.

Нан тем временем собрал с пола брошенные им жалобы и стал их внимательно изучать. Взяв пятую или шестую жалобу, инспектор присвистнул.

– Так я и знал, – уж больно пустые у него были глаза, – прошипел инспектор.

Шаваш неслышно подошел и склонился над плечом начальника. Жалоба была написана испорченным почерком человека, много пишущего, но отвыкшего от уставной каллиграфии официальных документов.

«Господин инспектор!

Слава о ваших способностях и справедливости дошла и до наших дальних мест, а потому сообщаем следующее:

Наместник Харайна и дядя его, господин Айцар, грабят народ. Нынче в Харайне чиновник живет взяткой, богач – барышом; власти едят чужое, носят краденое, и как ног у змеи, нету у них правды; грош дают государству, а пятак тянут себе, и в Харайне кто богаче, тот и правее.

Император не знает об этих бесчинствах, иначе бы положил им конец.

Наместник Вашхог разорил храмовые убежища в деревнях Западного Края, чтобы его дяде было кого нанять в рудники. В рудниках господина Айцара с людей спускают семь кож, во владениях наместника с крестьян сдирают семь шкур. Городской судья получил об этом жалобы, и, вместо того, чтобы дать им ход, потребовал с обвиняемого два миллиона – вот за эти-то два миллиона его и убили.

Провокатор наместника из наших рядов стрелял в судью Шевашена, – мы сами с ним разберемся и сами наведем справедливость.

Есть за наместником и другие преступления, но о них мы скажем только тогда, когда вы арестуете наместника и объявите прощение Кархтару. Если вы так бескорыстны, как о вас говорят наши сплетники и ваши шпионы, то вы это непременно сделаете.

Если же вы не восстановите справедливости, народ восстановит ее сам.

Помните – плевать вниз легко, но падать – еще легче»

– Великий Вей, – сказал Шаваш, – арестуйте наместника провинции Харайн, и мы объясним вам, в чем он виноват! Я думал, что такие идиоты встречаются только среди наследственных казначеев!

– Да, наглости им не занимать, – сказал инспектор, складывая бумагу. – А ну-ка, Шаваш, отгадайте: ясно, почему властям прибыльно считать, будто судью убили бунтовщики. А вот почему это выгодно считать бунтовщикам?

Секретарь нахмурился. А инспектор устроился в казенном кресле с выпятившей спинкой желтого атласа, и разогнул книгу, за которой, спохватившись, явился в харчевню парень-бунтовщик.

– А ведь это один и тот же почерк, – промолвил инспектор, попеременно разглядывая жалобу и комментарии на полях пресловутой книги аравана Нарая.

– И даже бумага едва ли не одна и та же, – прибавил инспектор с понятным отвращением книжника. Показал книгу Шавашу и прибавил:

– Вот, полюбуйся! Какой-то парень залез в дом мятежника за этой книгой, и чуть не удушил меня впридачу, но книгу все-таки обронил. Что ты думаешь об этом происшествии?

– Ничего я не думаю, – возразил Шаваш. – Мятежник мог быть поддельный, и книга – тоже. Наверняка араван Нарай скажет, что ничего не дарил.

– Мятежник был настоящий, – сказал Нан. Помолчал и объяснил:

– Видишь ли, когда я вошел, на нем был платок с синим и красным концами. И парень ужасно удивился, что я его вижу, потому что он считал, что благодаря этому платку он невидим и неуязвим. И согласись, что поддельную книгу наместник заказать может, а человека, который считает себя невидимым – вряд ли.

Господин Бахадн был прав, полагая, что инспектор послан в Харайн не просто отыскать убийцу городского судьи. Но император строго-настрого запретил инспектору и его секретарю разглашать подлинную цель экстраординарного расследования. Да дело было не только в императоре...

Почтовые голуби одновременно доставили известия о случившемся. От наместника Вашхога – господину Ишнае, первому министру двора, и, по счастливому совпадению, дяде любимой наложницы императора; от аравана Нарая – дворцовому управителю Мнадесу. Каждое из сообщений объективно обличало в противнике прямого виновника бунта. От назначенного следователя зависело, какая из объективных точек зрения станет еще и официальной.

Явившись во дворец с самого утра, господин Ишнае известил государя о случившемся и ходатайствовал о назначении инспектором старшего советника при ведомстве церемоний и обрядов, господина Азруца.

Император слушал министра рассеянно, поглаживая белыми, нервными пальцами нефритовый рельеф малой приемной комнаты. Рельеф вспухал к потолку бесчисленными изображениями императора Вея, принимающего дары богов: водяные колеса и зрелые снопы, веревки и молоток строителя, мотыгу земледельца и топор плотника.

Придворный художник, вместо того, чтобы верно передать всепроникающую заботу о народе, просто вывел государя единственным собственником мироздания. И рельеф, и зала, и весь дворец, пропитанные гнилым духом последнего царствования, претили молодому императору.

Роспись нового дворца будет прославлять народ, а не правителей, – но боже мой, как бесстыдно долго затягивается строительство, с какой радостью работают люди, кого ни спроси, и с каким нахальством высшие чиновники жалуются на нехватку людей и средств...

Господин Ишнае почтительно ждал государева решения.

Молодой император, улыбаясь, сообщил Ишнае, что главноуправитель Мнадес уже известил его о волнениях, но назвал другую кандидатуру.

– Так что я выберу между ними в час, назначенный для гаданий, – заключил император.

Господин Мнадес выразил сомнение, стоит ли отдавать назначение воле случая...

– Не думаю, что совет моего небесного отца будет хуже вашего, – заметил император.

Господин Мнадес вздохнул про себя. Император вряд ли собирался гадать, но он явно собирался объяснить свой выбор гаданием и тем дать понять придворным, что не предпочитает, как и прежде, ни одной из враждующих дворцовых группировок.

– Все стареет, – проговорил император, беспокойно дергаясь. – Уже третье восстание в этом году, и подумать когда – в Иров день. Все это началось при матери, – добавил он. – Почему происходят восстания, господин Мнадес?

– У Ирова дня странная репутация, – осторожно сказал министр.

– Вздор, – вздрогнул государь, – вздор и суеверие. Восстания происходят оттого, что чиновники прожорливы, а народ голодает. Может, все-таки выдавать жителям Нижних Городов государственные запасы?

Сердце господина Мнадеса затрепетало. Давно и безуспешно старался он убедить государя в необходимости реформы, после которой государство будет снабжать всех бедствующих подданных империи, безразлично, приписаны ли они к деревне и цеху, или нет. Господин Мнадес настаивал, что такая реформа – единственный способ успокоить назревавшее недовольство и с обычным для него великодушием предлагал взять на себя все обязанности по распределению необходимого продовольствия. Господин Ишнаия возражал, что такая реформа – верный способ узаконить бездельников. «Спрос на раздаваемые запасы мгновенно возрастет, а деревни опустеют», – указывал он. Кроме того, господин Ишнаия полагал, что, если уж создавать подобное ведомство, то уж ставить во главе такой миллиардной кормушки надо человека безусловно честного, – например, зятя господина Ишнаии.

– Нет, – проговорил император, – такие выдачи нарушат традицию. И к тому же это приведет к слишком большим злоупотреблениям, – добавил он, пристально глядя своими большими карими глазами на первого министра. – Распорядитесь, чтобы в Харайне перевели из государственных припасов на счет желтого монастыря два рисовых миллиона. Пусть монахи раздают.

После утренней аудиенции император отправился на охоту.

Простонародье рассказывало о государственных заповедниках всякие басни: говорили, например, что так живет черепаха Шушу, которая раз вместо яиц сносит гигантский изумруд, дарующий владельцу ясновидение, справедливость и долгую жизнь. При дворе только улыбались народной доверчивости: образованные люди знали, что черепаха Шушу живет за Западными Горами. Но иные звери из государева парка и вправду давно перевелись в простых местах, – земли в империи было мало, на центральной равнине прорезанные канавками поля давно вытеснили болота и леса с живностью, описанной в хрониках первых династий.

Император затравил двух оленей с кисточками на ушах и вернулся во дворец за час до вечерней аудиенции в покойном состоянии духа. Императору было двадцать пять лет, он вступил на престол три года тому назад и еще не научился любить красивых женщин, хорошие стихи и дикую охоту. Политику он ненавидел и окружающих его царедворцев считал законченными негодаями. Мнение это проистекало из обязательного изучения «Наставлений сыну», написанных шесть веков тому назад, но до сих пор заслуженно остававшихся лучшим руководством практической политологии. Кроме меткого наблюдения о характере царедворцев, император усвоил и практический совет: ссоры царедворцев – залог их верности императору. Мнадес докладывал императору о всех проделках партии Ишнаии, Ишнаия докладывал императору о всех проделках партии Мнадеса, и личный секретарь императора, его молочный брат Ишим, пользуясь услугами не большой, но преданной группы людей, докладывал о мелких сговорах между обеими группировками.

Отсутствие императора задержало вечернюю аудиенцию на полчаса. Потом еще на полчаса и еще.

Потом ее отменили совсем. Потом сквозь толпу придворных прошел старший следователь столичной управы господин Нан. Его встретил молочный брат императора, Ишим, и препроводил в личные покои государя.

Через два часа Нан уже покидал столицу. Люди информированные узнали, что бог по имени Ир, в праздник которого и произошли волнения, придал большое значение случивше-

муся. Бог явился во сне главному первослужителю Ира и потребовал от него примерного наказания виновных. Бог также выразил уверенность, что розыском преступников должен заниматься старший следователь Восточной управы господин Нан.

Что ж – Ир – один из тысячи отцов императора, и отцовскую волю чтут выше всего.

Следователь Нан был удивлен и встревожен, когда его вызвали к императору. Следователь Нан было предположил, что речь пойдет об инисской контрабанде, или о партии чахарского шелка, с которой по его запросу был снят арест, или о той скверной истории с человеком из Аракки, когда Нан получил сорок тысяч, но пожадничал и сказал господину Ишнае, что получил только двадцать, – и что Ишнае мог проведать, что Нан его надул.

И когда ему сказали, что ему дают девятый чин и посылают искать убийцу судьи в провинцию Харайн, он было не поверил. А когда государь сказал ему об истинной цели миссии, о которой было ничего не сказано царедворцам, Нан ужаснулся. Он подумал, что предпочел бы оправдываться по делу о чахарском шелке или аракском купце. Ибо речь шла не об еще одном народном волнении и не о смерти провинциального чиновника. Речь шла о событии, в истории империи небывалом: о внезапном исчезновении Великого Ира: пропаже или похищении.

И хуже всего, что господин Нан знал об этом событии то, что ни в коем случае не могло быть известно чиновнику ведомства Справедливости и Спокойствия Нану Акаи, но что было очень хорошо известно сотруднику Фонда Ванвейлена Дэвиду Стрейтону.

Возвращение «Ориона» стало, без сомнения, крупнейшей сенсацией для человечества, уже привыкавшего числить Галактику своей собственностью, а скандальное поведение некоторых ее участников еще добавило масла в огонь.

Прошло уже двадцать четыре года с тех пор, как торговый корабль «Орион», удирая от случившихся рядом пиратов, отклонился от курса и разбился на территории империи. Точнее, на территории империи разбились грузовые отсеки.

Груз в отсеках находился далеко не безобидный. Груз принадлежал, как стало ясно из последующего скандала, Агентству Галактического Надзора, и направлялся на планету Эркон, где и подлежал передаче тамошним борцам за демократию. АГН так никогда и не представило полный перечень груза, но, судя по всему, в набор средств для борьбы за демократию входило не меньше тонны плазменных гранат и ракетные установки типа «Фавилла».

Словом, у экипажа были все основания избавиться от такого груза при первых признаках неполадок на корабле.

Итак, грузовые отсеки разбились на территории империи – но не взорвались. Аварийная капсула пролетела еще три тысячи миль, и командир корабля, Клайд Ванвейлен, сумел посадить ее на одном из западных островов. Острова некогда входили в ойкумену, но были покинуты по приказу императора Аттах. На свидетелей посадки она произвела сильное впечатление, но последующие рассказы о ней не отличались от других реалистических повествований о духах предках.

Земляне соорудили нечто водоплавающее, и, переплыв море, устремились к своему кораблю. Как лосось на нерест.

Они выдавали себя за заморских торговцев, подбирали обрывки чужих языков и все больше слышали об огромной стране на северо-востоке. Вскоре они встретились и с людьми империи, из той разновидности, что в горах называли пестрыми дрофами. Пестрая дрофа – птица лукавая и униженная, наглая, питается мертвечиной, но сама никого не убивает. Это были частные торговцы, на свой страх и риск отправившиеся за благовониями и драгоценными камнями. Они нарушали закон – торговля за пределами империи была государственной монополией. Но государство редко пользовалось монополией уже потому, что не любило напоми-

наний о реальности заграницы. Даже эти люди, несмотря на свое корыстолюбие и храбрость, глядели на все вокруг них, как на действительность второго сорта.

Землянам рассказывали о Вее много и с гордостью, и смеялись, что варвары не знают простых вещей: что для всякого путешествия нужна подорожная, и для всякого человека – документ, что у храмов крыши низкие, а здания с высокими шпилями – это управы, и что вся земля принадлежит императору, потому что государственными землями он владеет как глава государства, а храмовыми – как главный бог империи.

Земляне наконец сообразили, что им не то чтобы прямо морочат голову или видят в них безобидных правительственных шпионов. Просто слово, сказанное чужеземцу, сродни заклинанию, и стоит не в изъявительном, а в сослагательном наклонении. Притом же и отвечали им на общегосударственном языке, который лучше приспособлен для абстрактных понятий, а потому соблазняет описывать должное вместо существующего.

Время тоже принадлежало государству, поглощенное и раздавленное его пространством. Слово «государство» употреблялось только в единственном числе. У времени же было два лица.

В одном времени история кончилась с тех пор, как две тысячи лет назад император Иршахчан сделал так, что в империи «нет ни войн, ни мятежей, ни угнетения, ни бедных, ни богатых; нет несчастных, увечных, калек и сирот».

В другом времени случались войны и мятежи, мор и голод, империя распадалась и возникала вновь. Это были события плохие и потому ненастоящие. Но Боги исправляли ошибки и восстанавливали неизменность мира, – и крестьянский бунтовщик Инан, родившийся из золотого яйца, или кочевник-завоеватель Кадерра становились не просто новыми императорами, а новыми воплощениями бога Иршахчана.

Истинна была лишь та история, которая соответствовала образцу. Земные сподвижники Иршахчана превратились в служащих небесных управ; чиновники правили и на небе, и на земле. «А иначе почему небесного правосудия приходится ждать столетиями?» – заметил землянам один ушлый стряпчий.

На территории столь любящей порядок империи падение корабля не осталось незамеченным. Однако земляне как раз явились в империю в ненастоящее время, из тех, что именуются в хрониках «состоянием, близким к недовольству», и для описания которых употребляется время «прошедшее сослагательное», время событий, которые были, но не должны были быть.

Земляне уже имели опыт вмешательства в историю в соседней стране. Клайд Ванвейлен побывал даже в королевских советниках, и его деятельность на этом посту стала, как говорят, предметом закрытых слушаний в весьма суровых инстанциях.

Первый раз землян спасло то, что наследник престола, отдавший приказ об их аресте, был убит при попытке государственного переворота.

Через неделю его преемник, мятежник и астролог Баршарг, арестовал нескольких членов экипажа и довольно быстро вытряс из них все существенные подробности (у Баршарга были такие методы, что от них бы и черепаха заговорила человеческим языком). На следующий день Баршарг был убит.

А еще через две недели бывший друг Ванвейлена, советник Арфарра, присланный наводить порядок в мятежной провинции, снова отдал приказ об аресте чужеземцев. Ничего такого он о них не знал, но был просто добросовестным чиновником и полагал, что всякий иностранец может оказаться шпионом, а стало быть, подлежит аресту.

Земляне могли попытаться убежать, – корабль был вполне готов к взлету, но их удерживало маленькое обстоятельство. Прежние власти провинции – зарезанный наследник престола и повешенный на городской площади Баршарг, – вынесли из корабля весь груз и схоронили его где-то, оформив как мешки с рисом или там детали для виноградных прессов. Какими взятками вернуть все это на корабль, земляне не представляли, зато очень хорошо понимали,

что их тайна продержится до первой ревизии или до первого вороватого чиновника, который сопрет со склада «детали для виноградного пресса» мощностью в двадцати три килотонны в тротиловом эквиваленте.

У них были высокие покровители, – но высокие покровители на Вее, – это просто люди, которые требуют высокую цену за предательство тех, кому покровительствуют.

Землян, по приказу Арфарры, взяли в Иров день прямо на пристани, посреди ликующего народа.

Землян взяли с поличным, сиречь с баржей, груженной оружием.

То есть Арфарра полагал, что баржа нагружена кожевенными станками и рудными машинами, и что чужеземные купцы, по просьбе своего покровителя, нарушают закон, покупая запрещенные отныне машины. Арфарра отдал приказ вскрыть контейнеры...

И тут на пристани появился сын Ира.

По правде говоря, что произошло дальше оставалось неясным, так как каждый из участников встречи рассказывал о ней по-разному. Ну то есть до того по-разному, что никакого сходства. Как будто эти люди сидели в шесть часов вечера у телевизора и смотрели разные программы, а потом стали выяснять, что именно они смотрели в шесть вечера. В частности, одни утверждали, что контейнеры были вскрыты и народу предстали мешки с мукой. Другие утверждали, что баржа отвязалась от причала и тут же на середине реки утонула. Что же касается пленки, имевшей быть в амулете на шее Ванвейлена, то она была засвечена.

Было бы любопытно спросить у Арфарры, чиновника, который охотился за землянами, что именно видел он, но это было совсем уж затруднительно: через три года чиновника сослали в каменоломни, а по прибытии – удушили.

Так что, по правде говоря, представления землян были немного точнее одного из древнейших упоминаний об Ире, принадлежавшего заезжему путешественнику V века до основания империи: (отрывок этот, составлявший часть обширного сочинения «Достопамятные обозрения натуры ближней и дальней» вошел сто двенадцатым свитком в «Книгу творения ойкумены», и больше ничего из «обозрений» не сохранилось, аминь).

«Прибыл в Уннушинак (так тогда назывался Харайн). Места благодатнейшие. Просо и полба родят сам-восемьдесят. С этих мест, говорят, в год можно собирать шесть сот мер золота, если не слишком усердствовать с налогами. Видел также котловину, похожую на большую супницу, диаметром в треть дневного перехода. Котловина эта примечательна тем, что на западном ее склоне растет сорт дынь, необыкновенной величины и вкуса, желтых и сетчатых, называемых „кургун“. Нигде я не едал подобных дынь. Еще об этой котловине можно сказать следующее.

Время от времени на юго-западном ее склоне один из камней начинает пропадать и течь туманом. Бывает это то весной, то осенью, то раз в два года, а то через пятнадцать лет. Из тумана образуется сфера. Полагаю, что тут природное явление, вызванное вихревым растяжением эфира, сквозь которое проглядывает первоначальная материя мироздания, потому что растет этот шар, не увеличиваясь в объеме, а на манер луны, как бы высветляясь из полумесца в сферу.

Варвары, однако, построили там храм и почитают это явление как бога. В определенный день прибегает туда олень. Ему потом золотят рога, водят по провинции и называют сыном Ира. Говорят, что раньше Ир вселялся в людей. Я лично этому не верю. Ибо из-за этого оленя исцеляются люди и вырастает урожай таков, что налоги можно безбоязненно повысить еще на восемьдесят мер золота. А в том, что олень этот понимает человеческую речь, я убедился своими глазами. А от такой вещи, от которой животное делается человеком, человек, несомненно, должен сделаться богом, что противно разуму и потому невозможно.

Дальше по большой равнине есть еще десять таких котловин, но эта – самая крупная».

Несомненно, что на землян встреча с сыном Ира произвела куда более глубокое впечатление, чем на старинного путешественника, восхитившегося в своем рассказе, прежде всего, дынями.

Для начала они вспомнили изрядно позабытые ими за полгода обстоятельства катастрофы и теперь усмотрели в последний явный божий промысел.

Тут же выяснилось, что каждый беседовал с богом на разные темы (причем не все признались, на какие), а запись беседы бесследно стерта. Между экипажем состоялась краткая богословская дискуссия на тему: может ли озарение засветить фотопленку?

Единственный христианин на корабле, агент АГН Сайлас Бредшо, отнесся к дискуссии без особого восторга и пробормотал что-то насчет того, что Бог – везде, и вовсе не обязательно лететь двадцать тысяч лет, чтобы уверовать в него.

Впоследствии членов экипажа подвергали глубокому зондированию, – напрасно! С ними действительно говорили о разном, – словно по шестиканальному телефону. Имелось шесть разных восприятий действительности, – но действительность-то было одна? Или нет? Словно было шесть разных снов, кончившихся одним и тем же – звоном будильника.

В любом случае было несомненным, что началом массовой фобии стало событие, о котором его участники даже не могли вспомнить.

Главным возмутителем спокойствия явился бортинженер Хатчинсон.

«Чудо – это нарушение законов природы, – говорил он, охотно делаясь новоприобретенной верой с репортерами. – Оно может происходить внутри и вне души. На земле чудеса давно происходят лишь внутри души, и их нельзя зарегистрировать. На Вее же чудеса доступны опытному наблюдению. Там озарения может испытывать не только человек, но и приборы. Само физическое единство Вее и постоянство ее обычаев обязано непосредственному вмешательству Бога в жизнь людей. Империю соединяют не социальные законы, а чувство материальности Бога, утерянное Землей. Тысячелетия человечество стремилось к звездам. Теперь я знаю, почему: чтобы у звезд наука потерпела поражение от опыта.»

Девятое, от опыта, доказательства бытия Божьего стало газетной сенсацией первой величины.

Руководители комиссии по космическим исследованиям при ООН рвали на себе волосы. Штатные психологи комиссии, как могли, оправдывались, предоставляя тесты, свидетельствовавшие об абсолютной психической уравновешенности Рональда Хатчинсона как до, так и после полета. Тесты эти попали на страницы газет, породив в ККИ новую волну выволочек и даже отставок.

Анри Лашевр, сам бывший космонавигатор, провозгласил начало научной теологии. Лашевр открыто потребовал, чтобы Ватикан отрекся от неотолизма, продолжавшего быть официальной философской доктриной церкви, ввиду того, что свойственное Фоме Аквинскому разделение мира на познаваемое существующее и непознаваемое сущее утратило смысл в свете новейших научных данных.

Стало ясно, – утверждал Лашевр, – что познание бытия бога из бытия мира возможно не только путем аналогии, но и путем научного знания. Опыт раскрывает не только внешние причины и поверхностные связи явлений – он способен познать конечные причины, доселе считавшиеся постигаемыми лишь разумом или откровением.

Божественность Вещного, кощунственно провозглашаемая современной неозападной цивилизацией, – считал Лашевр – лишь предпоследняя ступень перед признанием Вещности Божественного.

Рамон Гонзалес, уроженец третьей марсианской колонии, провозгласил себя учеником Лашевра. Он утверждал, что на Вее надо надо не только доказательство бытия Божьего, но и образец социального устройства, основанного на принципе «быть», а не на принципе «иметь».

Чудо суть основополагающий социальный институт блаженного общества, – считал Гонзалес. И когда ему возражали, что, коль скоро Ир появляется только на Вее, то и блаженное общество может быть только там, возражал: чтобы жить, как на Вее, нужен не сам Ир, а его избранники.

Юные поклонники Гонзалеса быстро усвоили, что они единственные избранники Духа Божия в Галактике, а все прочие люди тотально виноваты одним своим неведением истины. «Бог не грешит, а я – его частица», – заявил один из них на следствии по делу о взрыве транс-солнечного пассажирского корабля номер «LF-370».

Гонзалес и его «общество сынов Ира» немало способствовали популярности Лашевра среди людей нестандартно мыслящих, но сильно скомпрометировали философа в глазах добропорядочного обывателя, который никак не мог до конца увериться, что между научной теологией и космическим терроризмом нет и не может быть ничего общего.

Вдоволь проплавав по бурным волнам средств массовой информации, вейская сенсация наконец ошвартовалась в мелкой и маргинальной гавани экзотических идеологий, да оборотистые фермеры принялись разводить «вейский виноград» и прочую прибыльную флору. Экологам оставалось лишь прилагать титанические усилия, чтобы на Земле размножился именно вейский виноград, а не вейская филлоксера.

Международный комитет по космическим исследованиям наконец мог вздохнуть спокойно и оглядеться.

Ситуация в Галактике была непростая. Что-то нехорошее завелось в галактике, и вот уже несколько десятков лет, по мере того, как расширялось количество земных колоний и населенных планет, политические отношения становились все хуже и хуже, и что-то странное и тяжелое грезилось в будущем. Может быть, космос и был виноват. Как раз перед началом космической эры Земля, наконец, приобрела радующее взор единообразие и чарующий политический покой: существенных изменений в очертаниях государств не произошло, но гигантские экономические союзы, определяли политику правительств, и, перехлестываясь друг с другом, сцепляли планету в одно целое. Диктаторские режимы вымерли, как динозавры, от экономических санкций и редких, но единодушных вторжений войск ООН, и мир, абсолютно убежденный в торжестве экономической необходимости над всеми видами человеческого фанатизма, не очень-то задумывался о том, что путешествия человечества к звездам предоставят новый шанс для глупости толпы и честолюбия лидеров.

Земляне нашли совершенно естественным, что французская колония на планете Токава вдруг потребовала независимости от страны-основателя, мотивируя это тем, что ее «обирают». Послали комиссию, каковая установила, что Токаву не только не обируют, но, наоборот, вбухали в нее два миллиарда, из каковых один миллиард осел в карманах Директора Колонии, который и натравил колонистов на руководство компании на земле, опасаясь расследования. Директор назвал отчет ложью. Толпа поубивала членов Комиссии. Директор явочным порядком объявил планету независимой, но, будучи человеком разумным, через пять лет очень прибыльной и не очень жестокой диктатуры смылся с планеты, предварительно запродав ее обратно родной компании.

Правительство Канады вздумало дать новый шанс недовольным жизнью людям и основало колонию на планетке Самос. Вместо того, чтобы получать пособие по безработице, недовольные жизнью люди ехали на Самос за счет правительства и там получали обширные фермы. Очень скоро им начинало казаться, что получать пособие легче, нежели работать на дикой ферме, и они просились обратно, опять-таки за счет правительства. Губернатор планеты взвыл и сказал, что дорогу обратно граждане должны оплачивать сами. Граждане сказали, что они не рабы, и в доказательство выкинули губернатора из окошка единственного на планете четырехэтажного здания.

Была еще Анорра, куда отбыла секта приверженцев некоего Райдера Гацека, была Лея, планета «узнавших истину», и шныряли, шныряли неудержимо в космосе какие-то молью изъеденные суденышки, на которых жители Леи охотились за всем, что движется в гиперпространстве, не имея возможности ни производить, ни покупать новейшее оборудование, и полагая, что нет греха грабить тех, кто истины не знает.

И уже совсем вздорные слухи бродили о каких-то заговорщиках, улетевших из Галактики прочь и замышляющих где-то там что-то совершенно омерзительное против погрязшей в чем-то там цивилизации.

И хотя, конечно, всех этих планет и планетишек было в Галактике гораздо меньше, чем нормальных колоний и повзрослевших, оправившихся, и по вполне резонным рекомендациям получивших свою независимость государств, находящихся в наилучших отношениях с метрополией, нельзя было не признать, что становилось их все больше и больше, и завоевание космоса стало доказательством не только триумфа разума, но и триумфа всех разнообразных форм человеческой глупости.

Словом, международное равновесие было слишком хрупким, чтобы рисковать им из-за одной планеты. Произнеся несколько альтруистических слов о необходимости бережного отношения к чужой цивилизации, субъекты международного права договорись, что промышленное и идеологическое соперничество землян на Вею превратит их собственные мелкие дразги в вооруженные скандалы, и кончится появлением, в обозримый срок, межпланетного соперника. И стоило прислушаться к мнению некоторых экспертов, уверявших, что соперник этот благодарности к колонизаторам испытывать не будет, а гражданской свободе предпочтет социальную справедливость.

Решили направить на Вею наблюдателей, которые бы изучили местную цивилизацию с целью последующей оптимизации условий контакта (если таковой будет рекомендован).

Друг друга наблюдатели не знали и ничего, изобличающего их происхождение, с собой не имели. Правило это ввели после того, как двое наблюдателей, один за другим, затеяли сеансы черной магии с полным ее разоблачением. В одной случае чиновник-веец посчитал своего молодого подчиненного из сырного ведомства сумасшедшим; в другом случае чиновник был молод и проницателен. Разобравшись, что к чему, он оценил свою проницательность в шесть тысяч золотых государей. Ему не поверили, заманили в ловушку и увезли на Землю. Там он быстро смекнул, что нужно ККИ и писал о том, что вмешательство землян в историю Страны Великого Света кончится экспроприацией иностранцев и возрождением империи уже не в рамках ойкумены, а в рамках Галактики. Он ругал чиновников, сострадал народу, а также пояснял, что нищета происходит не от материальных, а от социальных причин, – если бы разделить поровну все, украденное чиновниками, то и нищета исчезла бы.

Меж тем, как народ империи мало кого интересовал, феномен Ира не давал спать спокойно ни ученым, ни чиновникам ККИ. Так родился проект под кодовым названием «Желтый грач», проект настолько секретный, что, узнай о нем публика и пресса, скандал разразился бы неимоверный.

Пока земным наблюдателям перед отправкой на Вею выдирали пластиковые зубы, если таковые имелись, – дабы нельзя было предъявить зуб как доказательство своего происхождения; пока в высоких кабинетах рассуждали об опасности неконтролируемого контакта, – шесть тщательно отобранных ученых, в рваных платках и с ореховым посохом, явились в Харайн и поселились в желтом монастыре.

Ученых не интересовала социальная структура империи. Ученых интересовал обитающий на ее территории бог.

Немногие из наблюдателей знали об этом проекте, и Нан был одним из немногих. Именно связи Нана понадобились, когда дело зашло о доставке в Харайнский монастырь – под видом выгодной контрабанды – кое-каких товаров с тяжелого звездолета, приземлившегося за гра-

ницей переполненной доносчиками империи. Дело в том, что среди всех наблюдателей ККИ, не выдерживавших местного политического климата и прозябавших преимущественно в провинциальных управах, Нан поднялся выше всех. С Нана требовали двадцать подписок и с великим скрипом выдали деньги на первоочередные взятки.

Планам землян способствовало то, что для самих вейцев появление Ира было чудом не большим, нежели восход Солнца. Ир ничем не отличался от других богов, хотя служители его отличались от прочих монахов безукоризненной праведностью. Это пугало народ, слегка раздражало начальство, а главное – привело к тому, что желтые монастыри порядком обезлюдели за последнее время.

Собственно говоря, когда пятнадцать лет назад первый из землян, полковник Алджернон Ф.Келли, в травяном плаще и с подвязанной к поясу мухобойкой из ослиного хвоста, явился в Харайнский монастырь, он застал там только одного старого, как сама империя, монаха. Монах кивнул ему, сказал, что ждал преемника, чтобы помереть, и, действительно, через три дня помер. Начальство даже не заметило перемены. Народ упорно думал, что старый монах омолодился.

Больше, собственно, ничего Нан о делах монастыря не знал. Только месяца четыре назад один чиновник из ведомства церемоний конфиденциально посетовал, что излишнее благочестие – тоже прискорбная вещь: вот в Харайнском монастыре завелось целых семь монахов, и вроде бы шибко они не ладят меж собой.

Так или иначе – с концом зимы в столицу пришло известие, что в Харайнском желтом монастыре объявился Ир.

Месяц он раскачивался в храме, раскачиваясь и светясь, а в ночь, которая должна была стать ночью рождения сына Ира и стала ночью смерти городского судьи – пропал. Сбежал? Или был похищен? Может ли божественное откровение засветить фото пленку, когда в монастыре повстанцы убивают чиновников, а варвары со звезд ведут научно-исследовательские работы, объект которых – бог?

2

Полковник Келли глядел на экран и прихлебывал кофе. Кофе был из банки с пятицветной наклейкой. Экраны принадлежали системе слежения «Lychnus-28». Над центральным экраном имелись песочные часы времен Пятой династии, укрытые толстым биокомпьютером, свешивавшимся с часов наподобие большого разноцветного носового платка. Прочая обстановка в бывшем монастырском подземелье была местного происхождения, и восемнадцатилетняя химера на спинке пустого кресла рядом с полковником неодобрительно взирала на экраны. Полковник сочувствовал трехглавой химере. Временами ему казалось, что когда в подземелье начинается ночь, химера и «Lychnus» начинают вести разговоры. Химера и «Lychnus» начинают обсуждать свои сравнительные технические характеристики и химера хвастается, что у нее целых тридцать шесть глаз. «Lychnus» же возражает, что глаза химеры ничего не видят, и что лучше иметь двенадцать G-мониторов, чем тридцать шесть глаз из лазурита и оникса. Но сколько Келли не подкрадывался ночами, ему никогда не удавалось подслушать спора химеры и «Лихниса» и выяснить, чьи же глаза видят лучше.

На экране обделенного глазами «Лихниса» были видны толстые стены монастыря, голый склон и три тропы к трем воротам: тропа для чиновников, тропа для простолюдинов, тропа для монахов. Все три тропы были безлюдны. Да где же этот инспектор?

В комнату заглянул Джек Ллевелин, психолог. Как всегда: руки в царапинах, волосы растрепаны, от одежды – легкий запах плесени.

– Работает, сволочь, – смачно сказал Ллевелин, – когда не надо, так работает.

И, действительно, аппаратура заработала лишь вчера, после полугодовой забастовки. То есть не то чтобы приборы не работали совсем – так, когда хотели, тогда и работали. Или когда хотел Ир... А в день убийства и бунта объявили решительный бойкот. Дольше всех держался вот этот самый «Lychhus» – успев снять и толпу, и ссору чиновников – однако и он вырубился за три часа до катастрофы.

Следствием такой забастовки явилось то, что сразу после катастрофы полковник даже не мог известить о ней центральные власти на небе. Ему пришлось извлечь из монастырских подземелий крошечный летный модуль «Анкор», приспособленный для дальних полетов так же мало, как местная тюремная камера – для свадебного пира. Полковнику понадобилось восемь часов, чтобы добраться на этом крылатом кузнечике до пустынного острова в северных морях, где был размещен стартово-посадочный комплекс, и столько же – чтобы вернуться обратно.

Естественно, ученые встретили полковника веселым извещением, что аппаратура уже работает. Что они тут делали, поодиночке и все вместе взятые, без его, Келли, присмотра – кто может знать?

Полковник Келли не доверял ученым.

– Слушайте, Ллевелин, – тоскливо сказал полковник, – почему этот настоятель увидел во сне имя господина Нана? Они что, встречались раньше?

Психолог с размаху уселся в кресло, заслонив, наконец, от глаз Келли многоглавую химеру.

– Не думаю, – сказал он, – что встречались. А сон Ира к сновидениям отношения не имеет. Сон Ира даже по структуре отличается от сновидения. Сновидение – это продукт индивидуальной психики человека. Деятельность его подсознания. Ближайший аналог – загадка. То есть нечто, что требует не многочисленных интерпретаций, а единственно правильного ответа. Человек видит не образы, а шарады, понимаете?

– Но тогда Ир мог загадать своей шарадой не только имя следователя, но и имя преступников?

– Он и не загадывал имя следователя. Этот Нан – просто инструмент расследования. Настоящий следователь, с точки зрения досточтимого первослужителя – он сам. Боюсь, что и настоящее преступление, с точки зрения вейца и монаха, началось не с убийства, а много раньше...

И Ллевелин широким жестом обвел комнату, наполненную белым неживым светом, и пустые, как глаза покойника, экраны «Лихниса». Глаза его, черные, как спинка жука, блестели на смуглом лице, и ракушки на кистях желтой накидки весело отсвечивали перламутром.

– А что этот чиновник не спешит с визитом, – продолжал Ллевелин, – не беспокойтесь. Я бы на месте инспектора сначала осведомился о мнении людей влиятельных, навестил бы Архадан, или поместье Айцара – что ему в каких-то паршивых монахах!

Келли, не мигая, глядел на Ллевелина.

– Да, – сказал он, – только у господина Нана есть и другие имя – Дэвид Стрейтон.

Ллевелин разинул рот.

– Инспектор – землянин?

– А что вас так удивляет, Дерек? – осведомился полковник. – Вы мне, кажется, только что объяснили, что «сон Ира» – шарада с подвохом...

– Я... да... О боже! – Ллевелин вскочил и выбежал из кабинета.

Полковник допил кофе и включил наружный обзор. Никого. По-прежнему никого. Было видно, как за монастырской стеной рыжая лисица трусит между кустами дрока и ошера. В зубах лисицы что-то болталось. Другая камера глядела на монастырский сад: было видно, как по песчаной дорожке двое вейцев-монахов несут кресло с первослужителем Ира. Это была еще одна неприятность – за день до убийства в монастырь прибыли трое вейцев во главе с первослужителем Ира. И хотя первослужитель сам был не очень общителен, один из землян, Меллерт, вдруг завел привычку пропадать в отведенном вейцам флигеле.

Полковник, как мы уже упоминали, имел дело с инспектором Наном по поводу доставки в монастырь кое-какой контрабанды, и то, что он за это время узнал о Нане, вовсе не приводило его в восторг.

Надо сказать, что полковник Келли, как человек умный, видел, что социологи-земляне умели очень хорошо объяснять, как устроена вейская империя, но что, странным образом, это не способствовало их карьере. Они прозябали в мелких управах, хранили честность, терпели нужду и года через три-четыре возвращались домой с полным пакетом соображений о том, почему контакт может быть опасен для Вей и для Земли. Бескорыстие на этом свете, как водится, с избытком приносило должности на том, – именно эти люди оказывались главными в комитетах, решающих обождать с контактом. Не то чтобы решения их были пристрастны – однако ж полковник Келли, консерватор по натуре и по профессии, чувствовал в их статьях досаду на строй, при котором авторы не смогли преуспеть. А в логических умозаключениях о том, что система отвергает все умное и талантливое – скромное самовосхваление отвергнутого.

Да, господин Нан – исключение, – подумал Келли. Господин Нан сидит на Вее вот уже двенадцать лет. Ему тридцать четыре, он старший следователь столичной управы. А для этого надо быть человеком умным, и все пять пальцев держать в масле. Нужно быть человеком щедрым, и все полученные тобой взятки не проматывать, а вновь употреблять на подарки хорошим людям. Надо быть также человеком решительным и всех, кто тебе доверился, предавать без колебаний.

Полковник потихоньку повел мышью, расширяя границы обзора: дрок, да трава, да известняки! Черт побери! Если этот Стрейтон сейчас действительно расточает комплименты госпоже Архизе...

Солнце плясало на вывороченных обломках кварцевого порфира, пологие стены кратера поднимались, словно хотели вскарабкаться на небо. Господи! Почему этот кратер не затопило вообще? Ах да, Роджерс объяснял: трещиноватая зона, дуговые разломы, вода мигрирует в

подстилающие формации. Монастырь стоит на разломе, однако землетрясений при нынешней династии не было, ни считая того, в Иров День. А жалко, что не было. Вот тряхнуло бы нас хорошенько, может, поняли бы, с чем играем...

Инспектор прибыл в монастырь через двадцать минут. Полковник вышел ему навстречу и лично помог инспектору спуститься с коня.

Он спрыгнул с коня, и оба землянина пожали друг другу руки. Потом Келли отступил шаг назад и внимательно оглядел Стрейтона. На инспекторе был серый, крытый шелком кафтан без знаков различия, юфтяные сапожки с высокими каблуками, удобными для верховой езды. Волосы его были повязаны белым шелковым платком, и карие глаза с чуточку подведенными ресницами глядели надменно и ясно.

– Вы почти не изменились, Дэвид, – сказал полковник. – А как себя чувствуют наши друзья... Помните Ханиду?

Нан глядел непонимающе.

– Ну, этого контрабандиста, – он нам доставил на своей лодке оптический генератор, вы ему сказали, что местные богачи везут эту штуку тайком плавить руду...

– Он утонул, – сухо сказал Нан.

– А Ламар, смотритель кладовых?

– Он отравился грибами.

– О Господи, – сказал Келли, – надеюсь, вы не принимали в этом участия?

Нан взглянул на него. Взгляд Нана был чист и безмятежен. «Боже мой, – вдруг подумал Келли, – он же не землянин. Он же вейский чиновник. Он действительно убил этих людей, не потому, что они были опасны для желтого монастыря, а потому, что они были опасны для карьеры Нана».

– У вас несколько преувеличенное представление обо мне, полковник, – улыбнулся Нан.

Но в эту минуту за их спинами послышался новый голос:

– Так это вы тот инспектор, который землянин? Будем знакомы, Дерек Ллевелин.

Через пять минут Нан, Келли и Ллевелин стояли в монастырском саду, на дорожке, посыпанной красным песком и с мраморным желобом для стока воды. Солнце блесело в крапинах мрамора, прыгало в поливной канавке, змеящейся между персиков и слив. На инспекторе был скромный кафтан, на Келли и Ллевелине – желтые паллии и белые накидки, расшитые переплетенными цветами и травами. Под мышками накидки были перевязаны тройным шнуром. Полковник Келли выглядел устало и был устроен несколько нескладно, словно у него голову и ноги отлили в разные формы. Волосы у него были белые, как вычесанный хлопок. Дерек Ллевелин был высок и проворен как цапля, в глазах его, черных, как спинка жука, прыгали золотые искры, и на растрепанных волосах торчал венчик из голубых и желтых ипомей.

– Простите, что задержался, – сказал Нан, – я осматривал дом, принадлежащий Кархтару. Этот тот местный бунтовщик, который...

– Я знаком с Кархтаром, – сказал Ллевелин.

– Вот как? Почему?

– Мятежники экспериментируют с наркотиками. Летают на небеса, разговаривают с богами... Измененные состояния сознания – моя специальность.

– И ваше мнение о возможном восстании?

Ллевелин расхохотался.

– Не думаю, инспектор, что вашей империи будет трудно справиться с бунтовщиками, которые искренне убеждены в том, что они невидимы и неуязвимы для стрел.

– Это зависит, – сказал инспектор.

– От чего?

– Представьте себе, если правительственные войска тоже будут убеждены, что бунтовщики неуязвимы для стрел...

Психолог взглянул на Нана и даже застыл, пораженный.

– Да? Постойте, это же блестящая идея! Стрейтон, слушайте, вы действительно думаете, что такое может быть? Это потрясающе? Можно я этим воспользуюсь для статьи? Я сошлюсь на вас косвенно...

– Не надо на меня ссылаться, – с усмешкой сказал чиновник империи. – Это вам – статья, а меня пошлют командовать этими войсками...

Помолчал и спросил:

– Что это вы там написали в записке про самострел в колодце? Я надеюсь, вы засняли, кто убил судью?

– Нет, – сказал Келли, а Ллевелин прибавил:

– У нас аппаратура не работала шесть месяцев. С момента появления Ира. Врубилась два дня назад.

Нан облизнул губы и подумал, сколько взяток он роздал напрасно и безо всякого, между прочим, возмещения со стороны ККИ.

– Совсем? – спросил Нан.

– Нет, не совсем. Иногда включалась. А бывало еще так: вызываешь по виофону человек. Ты с ним говоришь, а он тебе отвечает. Пересылает электронное письмо. А потом оказывается, что он тебе не отвечал.

– А письмо налицо?

– Ага.

– Удивительно.

– Нисколько. Представьте себе, что вы беседуете с человеком во сне. А потом оказывается, что он вам не отвечал... Вот если бы вы взаимно видели друг друга во сне, это было бы гораздо удивительней...

– Ладно, – сказал Нан, – давайте осмотрим место преступления.

Келли и Ллевелин повели его по дорожке. Главное здание изгибалось подковой, и к одному из дальних флигельков вела небольшая крытая дорога. Черепичная ее крыша поросла травой, и у водосточной трубы примостилось гнездо аиста.

Дорожка выходила к небольшому храму с репчатой крышей. На стенах храма были изображены горы, звезды, облака и все, входящее в годовой обиход государства. Еще на них был нарисован сын Ира, в желтом палии и с ожерельем из вишневых косточек. По рисунку на стене было видно, что горы, и звезды, и облака и прочий годовой обиход империи доходит сыну Ира до пояса. Роспись кое-где поблекла от времени, правая рука у сына Ира была стерта, и вместо лица на инспектора глянула выщербленная пустота.

Инспектор приоткрыл дверь часовни и увидел внутри обычный храм, с алтарем, перед которым стояла миска с простоквашей, и тремя небольшими курильницами в форме цветка лотоса. Келли и Ллевелин пригласили его зайти внутрь, но инспектор сказал, что сделает это попозже.

После этого они прошли еще тридцать метров и подвели Нана к длинному зданию, стены которого были недавно украшены новой росписью в стиле «облаков и трав».

– Вот здесь они ночевали, – сказал Келли. – Вообще-то это не полагается, но после бунта свиты правителей в один голос закричали о том, что возвращаться в столицу по ночной дороге опасно, что их может ждать засада. Наместник стал насмехаться, что, мол, араван боится даже своих друзей-мятежников, а араван ответил, что народа он не боится, а боится, что его по дороге убьют посланные Айцаром убийцы, да и свалят все на народ.

Нан, слышавший четыре часа назад диаметрально противоположную версию перепалки, кивнул.

– Словом, – продолжал Келли, – вся эта начальственная сволочь заявила, что остается в монастыре на ночь. Нам это не очень-то пришлось по душе, но делать нечего. Это зданье было выстроено два века назад, тогда император Аттах захотел нанести визит всем богам империи и велел построить по всем храмам империи такие вот павильоны, с отдельными выходами для членов императорской семьи и общими комнатами для свиты.

Нан оглянулся. За далекими деревьями виднелась репчатая луковка главного храма. С деревянного балкона в сад сбегали три богато украшенных резьбой лестницы.

– Мы поселили наместника, аравана и Айцара в отдельных покоях, – сказал Келли, – а свите отвели общий зал. И что же вы думаете? Из этих троих каждый ночью пошел гулять в сад! Каждый мог явиться в главную камеру! Небось чиновники поменьше сидели, как мыши!

– Откуда известно, что они выходили? – спросил Нан, опускаясь на корточки у грядки и внимательно рассматривая черную, едва покрытую тонким зеленым волоском почву. Дождь со времени праздника не было, и легкая, как взбитое суфле, земля, хранила отпечатки заячьих следов и треугольных вороньих лапок. Так! А это что за след?!

– Фотоэлементы. Обыкновенные фотоэлементы. «Lychhus» не работал, а вот датчики на дверях стояли, и они засекли, что из комнаты кто-то входил и выходил.

Нан показал рукой на грядку.

– Можно было обойтись без фотоэлементов, – сказал он, – видите след? Это след аравана Нарая.

– Вы что, снимали мерку с его сапог? – полюбопытствовал Ллевелин.

– Видите отпечаток? Знак тройного зерна в перистом круге? «Кодекс государей» предписывает порядок одежды различных чиновников, в том числе и рисунок на подковах каблучков. Араван Нарай большой любитель следовать правилам.

– А какой рисунок должен быть на сапогах господина Айцара?

– Господин Айцар – чиновник второго ранга, – надменным тоном произнес столичный инспектор. – Ему вообще запрещено ходить в кожаных или юфтяных сапогах.

Келли рассмеялся.

– Итак, эти трое выходили наружу, и один из них мог дойти до главной камеры и забрать себе бога? А кто еще мог это сделать?

Вместо ответа Келли вынул из-за пазухи фигурку и протянул ее Нану. Фигурка была бронзовая, литая – правая рука ее кончалась волчьей пастью, а левая – топором.

– Знаете, что это? – спросил Келли.

– Тоомо, – ответил Нан, – бог войны у варваров.

– Утром, в толпе, – сказал полковник Келли, – камеры сняли четырех горцев. Мы думали, их выгнали вместе со всеми. Но, вероятно, они забились в хозяйственные постройки и просидели там до ночи. Мы нашли эту фигурку у самых занавесей главного храма.

Нан потрогал Тоомо с естественным отвращением к варварским идолам, человеческим жертвам и скверному литью. Характер у Тоомо был такой же скверный. Нан, на месте горского шамана, не решился бы поглядеть на Ира в таком вот обществе. Боги могли рассердиться друг на друга... Так что понятно, почему ее сняли, перед тем как войти к Иру. А вот что такое случилось, что ее потом не захотели или не смогли надеть?

– Да, – сказал Нан, – горцы могли позариться на Ира, но судью из рукавного самострела они не убивали, это точно.

Помолчал и добавил:

– Кстати, как вы его обнаружили? Я сказал в управе, что вам, Келли, к приснился дух оскверненного колодца. Надеюсь, я соврал?

Келли хмыкнул.

– Самострел занесло в водосборник для реактора.

– А когда примерно пропал бог?

Ллевелин и Келли переглянулись.

– Вскоре после часа Козы, – сказал полковник Келли, – монастырь немножко потряхнуло.

– А, знаю, – кивнул Нан. – Город потряхнуло тоже. Первый толчок за последние двести лет. Ни одного убитого. Только сполз кусок дамбы и лопнуло дно в священном пруде перед Восточной Управой: вся рыба чуть не подохла. А где в это время были земляне?

– Ужинали. Вместе с первослужителем.

– Все?

– Нет, – сказал Келли, – вот его там не было, – и показал на Ллевелина. Еще не было Меллерта, – это наш программист, Барнса и Роджерса, геофизика.

– Почему вам не было? – немедленно спросил Нан у Ллевелина.

– Я поругался с Роджерсом, – сказал Ллевелин.

– А Меллерт?

– Он поругался со всеми.

– Вы ведь психолог, Дерек?

– Да. Я вам уже говорил. Измененные состояния сознания, – сказал Ллевелин.

– Ну, и как ваша оценка психологической обстановке в монастыре?

– Скверная.

– Дело рук Ира?

– Нет.

– Вот как?

– Шестерых мужчин разных возрастов и профессий заперли в одной клетке, не разрешив им выходить наружу. При этом даже не позаботились подобрать единомышленников. Главный критерий – можно ли накачать тебя вейским достаточно, чтобы ты сошел за жителя соседней провинции. Слава богу, что тут в каждой провинции коверкают слова по-своему. Разве могло из этого получиться согласие? Видите – вон, витраж камнем разбит? Так это Роджерс запустил в Меллерта подсвечником. А Меллерт на следующий день взял G-датчик, своротил крышечку и плеснул туда соляной кислоты.

А то еще был случай – Келли все жаловался на то, что комната его дрожит. Все входят – не дрожит, он один остается – вибрирует. Мистика! Ир! А что оказалось? Рендолл, гонорис кауза, понимаете, взял две g-матрицы, подсоединил их к следящей системе, да и запаял получившееся изделие в потолок комнаты Келли. Как только Келли входит один – система его распознает и начинается низкочастотная вибрация. Как несколько человек – матрицы отдыхают.

– А как это выяснилось?

– А выяснилось очень просто. Бьернссон хакерствовал в компьютере Рендолла да и нашел там эту программу.

Улыбнулся и добавил:

– Вот вы и полковник Келли считаете, что Ира похитили, чтобы переделать мир. А я так уверен, что если Ира похитили, и что это сделал землянин, то землянин этот теперь потирает руки и думает: «Ой, кайф! Вот стану сыном Ира – пожелаю, чтобы у Меллерта всегда был пересоленный суп, а Роджерсу прикажу покрыться зеленой коростой!»

– Ну хорошо. Значит, в человеческих неполадках виноваты сами люди. А в машинных?

– Что?

– У вас отключались системы слежения. Вы можете поручиться, что это были шуточки Ира, а не Меллерта или Барнса? Кто у вас в монастыре успешно освоил смежную профессию хакера?

Ллевелин некоторое время растерянно смотрел на инспектора.

– Нет, – сказал он, – не могу.

– Ладно, – произнес Нан, – пойдемте посмотрим ваши записи. То есть то, что от них оставил Ир.

На полпути к главному зданию Нан обернулся.

– А кстати, – спросил он, – где держали арестованных? Ну, тот народ, который стражника замели в Иров день? Они же захомутали человек двадцать?

Ллевелин молча и со вздохом показал на приземистый каменный погреб метрах в стах от гостевого дома.

Записей было действительно немного. Обрывались они в самом начале, с появлением в монастыре первых стражников, расчищавших дорогу важному начальству. А наружное наблюдение захватило и первую толпу. Показали телекамеры и лица незваных гостей-горцев.

– Слишком гордые лица для простых дружинников, – сказал Нан.

– По сравнению с крестьянином империи даже курица горца выглядит гордо, – заметил Келли.

– Запись-то шла до самого убийства, – сказал Ллевелин. – Это ее потом как языком слизнуло. И телекамеры работали.

– Не все время, – поправил Келли.

– Не все. Но работали. Я вот с этого самого места слышал разговор аравана Нарая и судьи! Судья стоял рядом с той старой оливкой, видели, ее еще заборчиком огородили?

– И о чем был разговор? – спросил Нан.

– Они встретились случайно. Судья любовался на дерево, только вдруг ему навстречу араван. Араван спрашивает: господин судья, откуда это в городе слухи, что смутьянов приказал арестовать наместник? Тот этак шаркнул ножкой: «Мол, ничего страшного, господин араван, просто если бы я арестовал мятежников и объявил бы, что это ваш приказ, господин наместник сразу же бы забил тревогу. Вот я подкатился к нему и наплел басен, что если арестовать мятежников, то можно будет найти следы их сношений с араваном, – и наместник легкомысленно согласился».

– А араван?

– Араван помолчал, а потом говорит: «Отныне все допросы будут проходить в присутствии моих людей». Судья: «К чему такое неверие?». «Потому что мятежники должны говорить не о близости своей с араваном провинции, а о бесчинствах наместника, толкнувших народ на мятеж».

Келли удивленно поднял голову. Видимо, Ллевелин этого ему не говорил.

– И что было дальше? – с нескрываемым интересом спросил Нан.

– Судья тогда: «Ах, господин араван, эта история с двумястами тысячами держит меня за горло! Разве волен в своих действиях человек без двухсот тысяч?» Араван поглядел на него этаким тараканьим глазом и говорит: «Хорошо. Я заплачу за вас двести тысяч, но преступников будут допрашивать мои люди!»

Нан усмехнулся.

– А вы мне не сочинили этот разговор?

Ллевелин всплеснул руками.

– Да чтобы я сочинил такой разговор? – вскричал он, – чтобы я сочинил разговор, в котором двое мерзавцев торгуются из-за будущих показаний десятка несчастных, да еще какие-то тут двести тысяч? Что я о них знаю? На хрен они мне нужны?

– А Ир мог такой разговор сочинить? – вдруг спросил Нан.

– Что?

– А помните, вы мне только что рассказывали, что бывает так: аппаратура что-то показывает, а на самом деле ничего этого нет?

Ллевелин раскрыл рот, закрыл его, потом опять раскрыл и мрачно изрек:

– Ир еще и не то может!

После этого инспектор прошел на скотный двор. Там, закончив чистить нужник, Меллерт тащил в свинарник ведро с помоями, как это у него было заведено каждый день. Разговора с ним у Нана не получилось. Меллерт сказал, что отчет в своих делах он даст только богу, а инспектор на бога похож мало. Впрочем, если инспектор хочет с ним поговорить, пусть подойдет поближе, чтобы Меллерт смыл из этого вот ведра чиновничью гордыню. Из-за таких слов инспектор, не желая смывать гордыню, отступил подальше и пошел прочь.

Когда Нан вернулся в подземелье, Келли был там уже один. Полковник занимался нехорошим делом: разорив заднюю крышку золотых часов, он впаивал под крышку небольшой рениевый жучок. Нан спросил его, как поживают остальные подарки, и полковник заверил его, что все готово.

Полковник спросил, не хочет ли Нан закончить за него работу, а сам Келли тем временем пойдет к человеку по имени Барнс и спросит насчет яда, которым был смазан шарик самострела.

Нан, который с трудом опознал штуку, бывшую в руках у Келли, как молекулярный паяльник, вежливо отказался. Через пять минут Келли закончил свои труды и пошел искать Барнса.

Нан сел в кресло и стал его ждать, время от времени посматривая на экраны и то и дело задерживая взгляд на высоком колодце с длинным, выкрашенным красною краской журавлем.

У колодца стояли два монаха в позах ссорящихся голубей и выясняли, кому вечером чистить репу.

Это был тот самый колодец, в который в ночь преступления кинули самострел.

Трое гостей могли это сделать: араван Нарай, наместник и господин Айцар. Только они выходили из отведенных им покоев. Стало быть, один вышел, чтобы избавиться от орудия убийства, а двое остальных либо имели дела с кем-то в монастыре, либо в чем-то монахов подозревали... Нан еще раз вынул трубочку: щербленая кость засверкала в электрическом свете. Словно нарочно сделано, чтобы не оставлять отпечатков пальцев.

А что веец знает об отпечатках пальцев?

Если самострел принадлежал землянину, то понятно, почему его выкинули в ту же ночь, стремясь избавиться от улики, но непонятно, почему его бросили в Змеиный Колодец, слухи о бездонности которого несколько преувеличены.

С другой стороны, если самострел принадлежал вейцу, то понятно, почему его бросили в такую дырку, которая доходит до самого ада, однако непонятно, почему его просто-напросто не вывезли наутро из монастыря. Боялись ареста по дороге? Однако несомненно одно – если преступление совершил веец, то это был человек суеверный. Редко кто из высшего начальства Вей верит в бездонные колодцы, ведущие в ад, – это все басни для простонародья...

Однако убийство судьи вовсе не обязательно связано с похищением Ира. Нынче треть чиновников носит в рукаве такую трубочку, притом не для убийства, а для самоубийства. А остальные две трети носят перстень с ядом. Убийца был, несомненно, не очень искусен: стальной шарик едва оцарапал плечо. Нан был уверен, что шарик был смазан каркамоном или ишаной, которые вызывают мгновенный паралич, но местной медициной не распознаются.

Тогда из-за чего убили судью?

Из-за встречи наместника с араваном. Наместник сказал, что судья арестовал мятежников по его приказу; араван сказал, что судья арестовал мятежников по его приказу. Да, покойник, что называется, «играл в сто полей сразу на двух сторонах». Что заставило судью, десять лет принадлежавшего душой и телом наместнику, перекинуться к аравану? Или, наоборот, сделать вид, что перекинулся? С чем это связано? С поведением Айцара? С горцами? С желтым монастырем?

Нан вздохнул. По правде говоря, покойник играл в той же манере, что и сам столичный инспектор. Ибо нынешнее назначение было для Нана скорее катастрофой, чем возвышением. Отлучка из столицы ломала все его планы и вынуждала открыто стать на сторону одной из враждующих партий, в то время как Нан доселе извлекал двойную выгоду из покровительства обеих. Судьба посмеялась, пожаловав высший, девятый ранг чиновной иерархии и одновременно поставив инспектора в положение, ненавидимое им больше всего, – в положение человека, которому нечего терять.

Ладно! Покойный судья – не инспектор Нан! Покойный судья, судя по всему, был такого же рода человек, как и его секретарь Бахадн. Про таких говорят: плясать не умеет, а говорит, что пол кривой...

Да. Распри в столице. Распри в провинции. Распри меж друзей народа. Распри в монастыре. Наместник посылает ко двору, вместо голов горцев, головы вейских крестьян. Араван Нарай изъясняется теми же словами, что и бунтовщики и дарит им свои книги с дарственной печатью... Впрочем, насчет книги все как раз непросто. На первый взгляд, книга была так нужна Кархтару, что он осмелился послать за ней в охраняемый дом. Нужно-то нужна, но зачем? Большей частью эта публика книг не читает. Кладут на грудь для излечения от чахотки, крутят из листов талисманы, варят с кореньями, гадают. Но читать – не читают... Нан был уверен, что Кархтару понадобилась не сама книга, а дарственная печать, квадратная и зеленая, как поле, сохраняющая магическую связь с владельцем печати. А зачем им печать? Сварить книгу с печатью вместе с мясом и раздать, как причастие. Или – вырезать печать, проткнуть иголкой, бросить в огонь, и пожелать того же предавшему их чиновнику?

Может быть, сектантов приказал арестовать араван. А может – наместник. Может, освободили их разбойники. А может – переодетые люди наместника...

– Дэвид!

Нан поднял голову. Перед ним вновь стоял Келли. В одной руке он сжимал маленький стальной шарик, а в другой.

– Вы были правы, Дэвид, – шарик действительно смазан ядовитым местным алкалоидом. Барнс, – это наш химик, – говорит – диметиламида лизергиновой кислоты. А как это называется на вейском...

– Барнс может спросить у Ллевелина. Тот сам сказал, что интересуется местными ядами и наркотиками.

– В последний раз встреча Барнса с Ллевелином протекала так: Барнс принес в комнату Ллевелина банку с пауками-треножниками и стал пауков выпускать, а Ллевелин его за этим застукал и погнался за ним с ножом для чистки ананасов.

Келли помолчал и продолжил:

– Я думаю, нам надо разделить сферы влияния. Вам – заниматься подозреваемыми из чиновников, а мне – монастырем. У вас и так под подозрением фактически самые влиятельные люди провинции, и все трое не очень-то любят друг друга.

– Ну, – сказал Нан, – когда люди не любят друг друга, это хорошо. Это сильно помогает следствию. Впрочем, я и в монастыре особой любви не заметил.

– Да.

– Ллевелин мне сказал, что Ир в ваших сварах не виноват.

– Ллевелин врал, – ответил Келли. – Послушайте, Нан, если бы мы тут передрались из-за того, кто чьей зубной щеткой пользуется, это бы куда ни шло! Но ведь дело в том, что по крайней мере половина ученых ссорится по поводу того, что нужно для Вей, а что не нужно. Есть двое, которым на Вею наплевать, потому что у них очень твердые идеи насчет того, что полезно и что вредно для Земли. А что значит убежденность, если человек не готов пойти ради нее на преступление. Во что бы мы ни вломились со своей аппаратурой и своим образом

мыслей – мы вломились во что-то очень серьезное и очень не свое. Поверьте мне, Дэвид! Когда эта толпа оказалась в монастыре, я уверился на миг, что это Ир натравил ее.

Келли махнул рукой.

– У нас есть десяток подозреваемых, – повторил он, – и кто-то из этих подозреваемых – уже не человек. Вы понимаете это, Нан? Он ходил между нами, смеется, ест маринованные грибки, подписывает указы, если он чиновник и читает распечатку, если он из монахов, – и в это время он не человек, а куколка с бабочкой внутри. Кто знает, зачем он это сделал? Чтобы переделать мир? Чтобы пожелать Меллерту пересоленного супа? Ах, если бы я мог верить в то, что Ллевелин сказал о пересоленном супе! Если бы я мог быть уверен, что Ллевелин сказал это не затем, чтобы запорошить нам глаза! И мы должны найти не-человека, Нан. Мы должны не раскрыть преступление, мы должны предотвратить его.

– И кого же вы подозреваете?

– Всех! Горцев, которые прятались в монастыре. Четырех монахов, которых не было в трапезной в момент землетрясения – Ллевелина, Меллерта, Роджерса и Барнса. И еще – троих вейцев.

– Вы пропустили еще одного подозреваемого, – мягко сказал Нан.

Келли дико дернулся.

– Кого?!

– Полковник, когда похищают бога, всеведущего и всемогущего, бог должен быть по крайней мере соучастником похищения.

Господин Нан, откинувшись на подушки паланкина и придерживая рукой вышитую ткань, с неприязнью разглядывал кривые улицы Нижнего Харайна. Всякий Нижний Город юридически не существовал, размеры домов и окраска их предписаны не были. Богатые усадьбы хоронились от воров и чиновников, выкатывающих глаз на чужое добро, а лачуги выставляли напоказ врожденное уродство: недаром земля под ними освящалась наспех, и о сроках строительства гадали пьяные геоманты...

Нан со вздохом опустил занавес. После разговора с Келли он провел в монастыре еще два часа.

Нан чувствовал себя лишним в этом подземелье, где с потолка светили голубоватые лампы и компьютеры с нежным шипением пускали слюнки распечаток.

Ученые ходили нервные и злые, не умея скрыть свое беспокойство и не собираясь скрывать своих мыслей. Чужак с манерами вейского чиновника раздражал их. Они пытались с ним спорить. Нан вежливо поддакивал, и это раздражало их еще больше.

Отец Сетакет, то есть Майкл Барнс, подсел к нему и заговорил о положении в Харайне... Рассказ его изобилует убедительными подробностями. Он рассуждал о том, что трехлетний неурожай устроен наместником специально: Государственные каналы заилены, а на храмовых землях Бужвы, к примеру, все в полном порядке. Получается разделение труда. Племянник потихонечку гноит поля, а его дядя, господин Айцар, заручившись в столице поддержкой Ишнаи, сбывает храмовое зерно Бужвы втридорога, и подвозит рис из других мест.

Нан молчал, пока собеседник излагал занимательные подробности о столичных связях Айцара; если отец Сетакет не знает, что господин Айцар – человек Мнадеса, а не Ишнаи, то уж не Нану его просвещать.

Но, услышав про храм Бужвы, позволил себе удивиться: разве собеседнику не ведомо, что господин Айцар связан с храмом Уннушика, а не с храмом Бужвы? И что эти две, так сказать, финансовые корпорации враждуют насмерть? И что именно поэтому Айцар вовсе не занимается хлебными спекуляциями? И правильно делает, потому что государственная система распределения риса довольно надежна, и много на нем не наживешь.

Отец Сетакет закусил губу и пробормотал, что Айцар все равно мошенник, а кто-то ведь вздувает цены на зерно.

Нан с изумлением понял, что Сетакет врал ему намеренно.

И в момент землетрясения пребывал неизвестно где. Как и Сайлас Меллерт и Дональд Роджерс. И хотя монастырь был вотчиной Келли, Нан счел своим долгом поглядеть на этих двоих.

Однако Меллерт пребывал в гостевых покоях, беседуя с первослужителем Ира. И то, что рассказывали об этих беседах, Нану очень не понравилось.

Зато Дональд Роджерс, он же брат Лиид, сам охотно заговорил с Наном, – не о мелких делах Харайна, ведомых исповеднику, а все больше о закономерностях истории.

Нан слушал его не без удовольствия и наконец прямо спросил о господине Айцаре и араване Нарае: ведь эти двое часто бывали в монастыре.

Роджерс засмеялся.

– Ну что я могу сказать? У одного золото стоит позади неба, а у другого – впереди души.

Острота была вряд ли свежа, но хороша. Узаконенных имен на Вее, собственно говоря, не было, каждый называл отпрыска, как хотел. «Нарай» было усеченным «Наракан ай» – Небесное золото; «Айцар» – усеченным «Айни царки» – Золотая Душа.

Нан улыбнулся.

– Да, нынче много имен имеют корень «ай».

– А вы знаете историю этого словечка? – быстро подхватил Роджерс. – «Ай», когда-то «эйя» – в древнейшем имело значение общей благодати. «Эйя» – это и благородный, и богатый, и добрый. Значение слова стало меняться после основания империи. Император Иршахчан постарался, чтобы благородные и богатые не заедали простой народ. Главным стал «ванят», а не «эйят» – чиновный, а не благородный. В «Книге завоеваний» слово «эйят» чаще всего встречается в контексте «эйят такой-то поднял восстание». Ненадолго, впрочем, поднял.

И вот слово пошло укорачиваться, никнуть, – и перелицевалось наконец. «Ай» сохраняет значение денег. Но это – золотые деньги, деньги, которые как бы стоят в оппозиции к государственному режиму, грязные деньги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.